

ЭМИЛИ ГЕНРИ

ПЛЯЖНОЕ
ЧТЕНИЕ,

ИЛИ

КАК НАПИСАТЬ КНИГУ
И НЕ ВЛЮБИТЬСЯ

Эмили Генри

Пляжное чтение

Серия «Жизнь прекрасна! (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63457706

*Пляжное чтение : [роман] / Эмили Генри; – [перевод с английского А. Банкрашкова].: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-132643-2*

Аннотация

Август Эверетт – признанный автор серьезной литературы. Январия Эндрюс пишет женские романы. Там, где она приводит героев к счастливой концовке, он убивает всех в последней главе.

Они – абсолютные противоположности.

Все, что есть общего у Августа и Январии – отсутствие вдохновения и два маленьких коттеджа по соседству, в которых они застряли на три месяца.

Пока однажды они не решают, что лучший способ выбраться из творческого застоя – заключить сделку. Теперь Август должен за три месяца написать роман о любви и счастье, а Январия – мрачную и серьезную книгу, полную противоположность тому, что она обычно пишет.

Январия будет возить его на пикники, достойные самых романтических сцен в кино, он организует ей интервью с выжившими членами секты. Оба они закончат романы в срок...

И, разумеется, абсолютно точно никто не влюбится друг в друга.
Или же нет?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	53
Глава 5	61
Глава 6	70
Глава 7	79
Глава 8	95
Глава 9	114
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Эмили Генри

Пляжное чтение

Для Джоуи: ты так прекрасен, мой любимый

Emily Henry
BEACH READ

Серия «Жизнь прекрасна!»

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Перевод с английского *Александра Банкрашкова*

© 2020 by Emily Henry

© Банкрашков, А.В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

Дом

У меня есть роковой изъян, и мне хотелось бы думать, что он не чужд всем людям. По крайней мере, мне от этой мысли становится легче, когда я занимаюсь писательским трудом. Обычно я приписываю своим персонажам какие-то пороки и привязываю к этому все, что с ними происходит. А конкретнее – привязываю к тому, что они научились делать, чтобы защитить себя, и теперь не могут отпустить старые привычки, даже когда те перестают служить им.

Например, в детстве вы не очень-то контролируете свою жизнь. И поэтому, чтобы избежать в жизни разочарований, вы учитесь никогда не спрашивать себя, чего вы хотите в действительности. И это продолжается довольно долго. И только осознав, что вы не получили чего-то, а тяжелоатлетично получить «то-не-знаю-что», вы в итоге мчитесь в автомобиле по шоссе своей жизни к пункту кризиса среднего возраста с чемоданом, полным наличных, и недавним знакомым Стэном в багажнике.

Может быть, ваш роковой изъян в том, что вы не используете поворотники? Или, может быть, вы, как и я, безнадежный романтик? Вы просто не можете перестать рассказывать себе историю своей жизни. Ту самую, которая идет в ком-

плекте с мелодраматическим саундтреком и золотым светом солнца, пронзающим окна автомобиля.

Все началось, когда мне было двенадцать. Родители усадили меня, чтобы рассказать новости. Именно тогда мама узнала свой первый диагноз – подозрительные клетки в левой груди. Она так часто говорила мне не волноваться понапрасну, что я начала подозревать, что эти слова предназначались исключительно для меня и ни разу не были правдой. Моя мама была слишком уж... веселой и оптимистичной, всячески старалась не выглядеть беспокойной. Я тогда впала в ступор, опасаясь, как бы не сказать чего лишнего, чтобы не сделать хуже.

Но тут мой отец – известный книжный червь и домосед – совершил нечто неожиданное. Он встал, взял нас – меня и маму – за руки и сказал: «Знаете что... Нам нужно срочно избавиться от дурных предчувствий. Нам нужно хорошенько потанцевать!»

В нашем пригороде не было много клубов, только посредственный стейк-хаус с пятничной вечерней кавер-группой, но мама загорелась так, будто он только что предложил взять частный самолет до Копакабаны.

На ней было блестящее желтое платье и пара металлических сережек, которые поблескивали и колыхались в такт ее шагам. Папа заказал двадцатилетний виски для себя с мамой и безалкогольный коктейль «Ширли Темпл» для меня. Мы втроем кружились и подпрыгивали, пока у каждого из нас

не закружилась голова. Мы хохотали до упаду, а мой всегда сдержанный отец подпевал под молодежную композицию в исполнении *Brown Eyed Girls*¹ так, как будто он один в зале.

А потом, уставшие и измученные, мы забрались в такси и поехали домой в тишине. Мама и папа крепко держались за руки, склонившись друг к другу на соседних сиденьях. А я, прислонившись лбом к стеклу, смотрела на мерцающие уличные фонари и думала: «Все будет хорошо, у нас всегда все будет хорошо».

И в этот момент я поняла главное. Когда весь мир кажется тебе темным и страшным, только любовь может увести тебя в мир танцев, только смех может снять часть боли, только красота может пробить броню твоих страхов. Именно тогда я и решила, что моя жизнь будет всем этим полна. Причем не только для меня, но и для мамы, и для всех остальных, кто вокруг меня.

В этом отныне и будет заключаться моя цель. Будут и красота, и свет свечей, и «Флитвуд Мэк», тихо играющая на заднем плане.

Дело в том, что я начала рассказывать себе эту красивую историю о своей жизни, о судьбе и о том, как все складывается, довольно давно, и к двадцати восьми годам моя история действительно стала идеальной.

В ней были и идеальные (разумеется, без рака) родители, которые звонили мне несколько раз в неделю, и их посидел-

¹ *Brown Eyed Girls* – южнокорейская гёрл-группа.

ки с вином в компании друг друга. Был и идеальный (романтичный полиглот ростом под два метра) бойфренд, который работал в реанимации и знал, как приготовить кок-о-вен². Идеальная, хоть и не новая шикарная квартира в Квинсе. Идеальная работа, которая позволяла мне называться писательницей. Писала я для издательства «Сэнди Лоу» романтические романы, вдохновленные идеальными родителями и идеальным парнем.

Вот такая совершенная жизнь.

Но это была всего лишь выдуманная история. Поэтому, когда в сюжете жизни появились такие зияющие дыры, через которые стала видна неприглядная реальность, все рухнуло. Так устроены все романтические истории.

Все пришло к тому, что тогда, в свои двадцать девять лет, я чувствовала себя несчастной, опустошенной, разоренной и очень одинокой. Даже вид великолепного дома на озере в штате Мичиган, к которому я подъезжала, вызывал у меня тошноту. Грандиозная романтика всей моей жизни перестала служить мне, но мое роковое нежелание воспринимать реальность все еще было на страже, сидя рядом со мной в моей помятой «Киа Соул», и рассказывая о том, что произошло:

Январия Эндрюс таращится в окно машины на мрачное озеро, бьющееся о темный берег. Она пытается убедить себя, что приехала сюда не по ошибке.

² *Петух в вине* (кок-о-вен, фр. coq au vin) – классическое блюдо французской кухни из курятины.

Но это определенно была ошибка, хотя лучшего выбора не было. Вы ведь не откажетесь от бесплатного жилья, когда вы на мели.

Я припарковалась на улице и уставилась на огромный сад коттеджа, на его сверкающие окна и сказочное крыльцо, в окружении пушистой травы, танцующей на теплом ветру. Затем сверила адрес в своем GPS-навигаторе с написанным от руки на брелке, висящем на ключе от дома. Все было в порядке.

На минуту я замешкалась, как будто меня мог унести астероид Судного дня, стоит мне выйти из машины. Затем глубоко вздохнула и вышла, немного поборолась со своим переполненным чемоданом, засунутым на заднее сиденье вместе с картонной коробкой с бутылками джина.

Откинув с глаз прядь темных волос, я рассмотрела васильковую черепицу и белоснежную отделку. «Просто представь, что ты на Airbnb»³.

Тут же в моей голове промелькнуло и воображаемое описание с сайта:

Коттедж с тремя спальнями и тремя ванными. Уютно устроился на берегу озера. Полон очарования и доказательств того, что твой отец был негодяем, а вся твоя жизнь была пронизана ложью.

Я начала подниматься по ступенькам, вырубленным пря-

³ *Airbnb* (рус. «Эйрбиэнби») – онлайн-площадка для размещения, поиска и краткосрочной аренды частного жилья по всему миру.

мо в травянистом склоне холма. Кровь гулко пульсировала у меня в ушах, а ноги дрожали, предвкушая момент, когда развернется адская бездна и мир вокруг меня рухнет.

Но мир вокруг меня уже рухнул. Это случилось в прошлом году, и если уж не убило меня тогда, то и сейчас уже не убьет.

Когда я застыла на крыльце, мне показалось, что все мои чувства до крайности обострились. Вот покалывание на моем лице, которого я прежде не замечала, вот какое-то скручивание в животе и противные капли пота на шее. Я прижала коробку с джином к бедру и вставила ключ в замок, надеясь, что он заклинит. Мелькала слабая надежда, что все это окажется тщательно продуманной шуткой, которую папа придумал для нас с мамой перед смертью.

Или, что еще лучше, окажется, что он вовсе и не умер. Он выскочит из-за кустов со словами: «Попалась! Ты же все-рьез не думала, что у меня есть тайная вторая жизнь, правда? Неужели ты думаешь, что у меня мог быть второй дом с какой-то другой женщиной, кроме твоей матери?»

Ключ бесшумно повернулся, и дверь распахнулась внутрь. В доме было тихо.

Боль пронзила меня насквозь. Я уже как-то испытала точно такие же ощущения, по крайней мере один раз до этого. В тот день, когда мне позвонила мама и, всхлипывая, сообщила об инсульте отца. «Он ушел, Яна».

Разумеется, никакого папы здесь не было. Не только здесь,

но и нигде. А потом был второй удар боли, словно в болевшем месте провернули нож. «Отец, которого ты знала, все равно никогда не существовал».

Получалось, что по-настоящему у меня никогда и не было отца, как не было и моего бывшего, Жака, с его кок-о-венном.

Получалось, все это – просто история, которую я сама себе рассказала. Итак, отныне либо ничего, либо правда, какой бы страшной она ни была! Я собралась с духом и ступила внутрь.

Моя первая мысль была о том, что «уродливая» правда оказалась не такой уж и уродливой. Любовное гнездышко моего отца имело открытую планировку. Гостиная переходила в заботливо выложенную синей плиткой кухню и отдельный уютный уголок для завтрака, а за стеной с окнами сразу начиналась темная веранда.

Если бы этим местом владела мама, все было бы оформлено смесью нейтральных пастельных тонов, успокаивающих по своей сути. А это богемная комната, в которую я вошла, была бы уместнее в доме Жака или в моем старом доме, чем в доме моих родителей. Я почувствовала легкую тошноту, представив себе папу здесь среди этих вещей, которые мама никогда бы не выбрала. Этот народный расписной стол для завтрака, темные деревянные книжные полки, продавленный диван, заваленный разномастными подушками.

Не было ощущения того, что это принадлежало отцу, каким я его знала. В кармане зазвонил телефон, и я поставила

коробку на гранитную столешницу, чтобы ответить на звонок.

– Алло?

– Ну и как? – вместо ответа спросил слабый и скрипучий голос на другом конце провода. – Там есть секс-подземелье?

– Шади? – догадалась я. Зажав телефон между ухом и плечом, я скрутила крышку с одной из бутылок джина и сделала глоток, чтобы подкрепиться.

– Честно говоря, меня беспокоит, что я единственная, кто может позвонить и спросить об этом, – ответила Шади.

– Да. Ведь ты единственный человек, который вообще знает об этой лачуге любви, – заметила я.

– Не единственная, – возразила Шади.

По сути, это было верно. Я узнала о тайном доме своего отца на озере только на его похоронах в прошлом году, а мама была в курсе уже давно.

– Отлично, – сказала я. – Ты единственный человек, которому я об этом рассказала. В любом случае, дай мне секунду. Я только что приехала.

– В буквальном смысле?

Шади тяжело дышала, а это означало, что она шла на смену в ресторан. Поскольку мы работали в разное смены, большинство звонков мне она делала по пути на работу.

– Метафорически, – ответила я. – Я здесь уже минут десять, но у меня такое ощущение, будто я только сюда вошла.

– Очень мудро, – сказала Шади. – Настолько глубоко,

что...

– Т-с-с, – сказала я. – Я хочу разглядеть все получше.

– Проверь, нет ли там секс-подземелья! – поспешила сказать Шади, как будто я вешала трубку.

Но я не торопилась вешать трубку. Просто молчала и прижимала телефон к уху. Затаив дыхание, сдерживала бешено колотящееся сердце и смотрела во все глаза на вторую жизнь своего отца.

Пытаясь убедить себя, что папа не мог проводить здесь время, я заметила что-то в рамке на стене. Это была вырезка из списка бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» трехлетней давности – та самая, которую он повесил и у нас дома над камином. Я в этом списке под номером пятнадцать. А на три места выше «моей строчки» по странному стечению обстоятельств значился мой соперник по колледжу Гас – теперь его звали Огастес и он был очень серьезным человеком – с его невероятно интеллектуальным дебютным романом «Откровения». Он оставался в этом списке в течение пяти недель. Я не любила это признавать, но считала каждый день, пока он был в этом списке.

– Ну и что там? – подала голос Шади. – Как ты думаешь?

Я повернулась, и мой взгляд упал на гобелен с мандалой, висящий над диваном.

– Я начинаю подозревать, что папа покуривал травку, – проговорила я и повернулась к окнам, выходящим сбоку дома. Они почти идеально совпадали с соседскими. Такой

недостаток мама никогда бы не упустила, если бы выбирала дом.

Но по соседству едва ли был дом человека, похожего на мою маму. Я отчетливо видела у соседей книжные полки от пола до потолка, которые стояли вдоль всего кабинета.

– О боже, так может, это дом для взрослых дел, а не лачуга для глупой любви? – более радостно зазвучал голос Шади. – Тебе следовало бы все же прочитать то письмо, Яна. Все это какое-то недоразумение. Твой отец оставляет тебе семейный бизнес, а та женщина была его деловым партнером, а не любовницей.

Хуже всего было то, что я сама хотела, чтобы она оказалась права!

В любом случае я твердо намеревалась прочитать письмо. Просто ждала подходящего момента, надеясь, что последние слова отца успокоят меня и мой гнев уляжется. Но прошел целый год, и страх, который я испытывала при мысли о том, чтобы вскрыть конверт, рос с каждым днем. Это было так несправедливо, что последнее слово останется за ним, а я не смогу ответить. Глупо кричать, плакать и требовать новых ответов. Как только я открою письмо, пути назад уже не будет и состоится последнее прощание.

Так что до дальнейших распоряжений его письмо жило счастливой, хотя и одинокой жизнью на дне коробки с вещами, которые я и приволокла с собой из Квинса.

– Это не похоже на дом для выращивания травы, – сказала

я Шади и открыла заднюю дверь, выходя на веранду. — Если только травку не выращивали в подвале.

— Ну уж нет, — возразила Шади. — Там уже находится темница для секса.

— Ладно, давай не будем говорить о моей унылой жизни, — сказала я. — Что у тебя нового?

— Ты имеешь в виду Зачарованную Шляпу? — уточнила Шади.

Ах, если бы только у нее уже не было четверых соседей по комнате в чикагской квартире! Тогда, возможно, я осталась бы там. Нельзя сказать, чтобы я была способна на серьезные дела, когда рядом была Шади. Да и мое финансовое положение было слишком тяжелым, чтобы я могла себе позволить ничего не делать. Нет, я просто должна была скорее закончить свою следующую книгу в этом свободном от арендной платы аду. Тогда, может быть, у меня появится возможность организовать свое собственное, свободное от Жака, местечко.

— Если ты хочешь поговорить про Зачарованную Шляпу, — сказала я, — тогда давай.

— Он до сих пор не разговаривает со мной, — печально вздохнула Шади. — Но я чувствую, как он смотрит на меня, когда мы на кухне. Это потому, что между нами есть связь.

— А тебя не беспокоит, что ты связана не с парнем, который носит старинную шляпу, а, возможно, с призраком ее прежнего владельца? Что ты будешь делать, если поймешь,

что влюбилась в призрака?

– Хм, – проговорила Шади и на минуту задумалась. – Думаю, мне придется обновить биографию в Тиндере.

Ветерок колыхал воду у подножия холма, волнами трепал мои каштановые волосы, раскинувшиеся по плечам. Заходящее солнце бросало на все это золотистые снопы света, такого яркого и жаркого, что мне приходилось щуриться, чтобы разглядеть переливы оранжевого и красного, которые оно отбрасывало на берег. Если бы это был просто снятый мною дом, он стал бы идеальным местом, где я смогла бы написать восхитительную историю любви, которую обещала своей редакции в течение многих месяцев.

Шади меж тем что-то говорила и говорила. Я отвлеклась от своих мыслей. Речь шла о Зачарованной Шляпе. Его звали Рики, но мы никогда не называли его так. Мы всегда говорили о личной жизни Шади особым кодом. В ней фигурировал пожилой человек, который управлял потрясающим рестораном морепродуктов (Рыбный Лорд). Еще имелся какой-то парень, которого мы называли Марком, потому что он был похож на какого-то другого знаменитого Марка. А теперь вот присутствовал еще и этот новый коллега, бармен, который каждый день носил шляпу. Эту его привычку Шади ненавидела и все равно была совершенно покорена им.

Я резко вернулась к разговору, когда услышала от Шади:
– Как насчет Дня независимости? Я могу тебя навестить?
– Но до него еще больше месяца.

Я хотела еще возразить, что меня к тому времени здесь уже не будет, но знала, что это не так. У меня уйдет, по меньшей мере, все лето на то, чтобы написать книгу и вывезти все из дома. И только потом я смогу продать и то и другое. И вернуться наконец в комфорт городской жизни. Только не в Нью-Йорке, а где-нибудь в городе подешевле.

Я уже прикинула, что Дулут⁴ для меня вполне доступен. Мама бы никогда не навещала меня там, но мы и так в прошлом году почти не навещали друг друга, если не считать моей трехдневной поездки домой на Рождество. Она успела заманить меня на четыре занятия йогой, в три переполненных бара, где подавали исключительно соки, и на представление «Щелкунчика» с участием какого-то незнакомого мне, но уже известного актера-ребенка. Если бы мы остались наедине хотя бы на секунду, поднялась бы тема отца и мы бы сгорели в адском пламени.

Всю жизнь мои друзья завидовали моим отношениям с мамой, настолько часто и свободно (или, как мне казалось, свободно) мы разговаривали, как весело нам было вместе. Теперь же наши отношения были худшим подобием телефонной переписки.

Я перешла от двух любящих родителей и живущего в отдельном доме бойфренда к свободе. У меня была только Шади, моя лучшая, но слишком далекая подруга. Единственной

⁴ *Дулут* – город в штате Миннесота, административный центр округа Сент-Луис.

причиной переезда из Нью-Йорка на северный берег Медвежьего озера в Мичигане было то, что так я оказывалась ближе к ее дому в Чикаго.

– До четвертого июля еще далеко, – пожаловалась я, – а ты всего в трех часах езды отсюда.

– Да, но я не умею водить машину.

– Тогда тебе, вероятно, следует сдать куда надо свои неиспользуемые права, – сказал я.

– Поверь мне, я сама жду, когда истечет срок их действия. Тогда, наверное, я буду чувствовать себя более свободной. Я ненавижу, когда люди думают, что я могу водить машину только потому, что у меня есть права!

Шади действительно была ужасным водителем. Она кричала от ужаса всякий раз, когда делала левый поворот.

– Кроме того, ты же знаешь, как у нас принято планировать выходные дни. Мне еще повезло, босс сказал, что у меня будет четвертое июля. Мне кажется, он ждет, что я теперь поработаю для него ртом, не меньше.

– Ну, нет. Полное обслуживание это для больших отпусков вне очереди. А в твоем случае достаточно будет старой-доброй работы руками.

Я сделала еще один глоток джина, затем отвернулась от края веранды и чуть не вскрикнула. На такой же веранде в десяти футах справа от меня из-за шезлонга выглядывала голова с вьющимися каштановыми волосами. Я молча взмолилась, чтобы этот человек спал. Иначе бы мне пришлось про-

вести целое лето по соседству с кем-то, кто слышал, как я кричала по телефону «старая-добрая работа руками».

Словно прочитав мои мысли, незнакомец наклонился вперед и схватил со столика бутылку пива. Он сделал глоток и откинулся на спинку.

– И то верно. Даже кроксы снимать не придется, – продолжала Шади. – Как бы то ни было, я только что переоделась и приступила к работе. Но все равно дай мне знать, если в подвале найдешь наркотики или кожаные наручники.

Я повернулась спиной к соседской веранде.

– Я не собираюсь проверять это, пока ты не приедешь.

– Шантаж? – ответила Шади.

– Возможно, – сказала я. – Люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, – ответила она и повесила трубку.

Я повернулась к кудрявой голове, то ли ожидая, что он заговорит со мной, то ли раздумывая, не стоит ли мне самой представиться ему.

Проживая в Нью-Йорке, я была хорошо знакома со своими соседями. Но здесь все было по-другому, это был штат Мичиган. Отец рассказывал мне, как он рос на Северном медвежьем берегу, и я подозревала, что в какой-то момент мне придется одалживать местному соседу сахар. «Не забыть купить сахар», – отметила я про себя.

Я откашлялась и попыталась по-соседски улыбнуться. Мужчина наклонился вперед, чтобы сделать еще один глоток пива, и я крикнула через щель между досок:

– Извините, что побеспокоила вас!

Он неопределенно махнул рукой и перевернул страницу какой-то книги, лежавшей у него на коленях.

– А что тревожного в работе руками как форме валюты? – протянул он хриплым скупающим голосом.

Я поморщилась, ища ответ – любой ответ! Мой отец знал бы, что сказать, но у меня в голове была такая же пустота, какую я видела всякий раз, когда открывала новый вордовский документ.

Ладно, может быть, за последний год я стала кем-то вроде отшельника? Может быть, я не совсем понимала, чем занималась весь прошлый год, потому что совсем не навещала маму, не писала ей и не очаровывала соседей своими носками?

– Как бы то ни было, – сказала я, – теперь здесь живу я.

Словно прочитав мои мысли, он равнодушно махнул рукой и проворчал:

– Дай мне знать, если тебе понадобится сахар.

Но он ухитрился сделать так, что это прозвучало как «Никогда больше не заговаривай со мной, пока не заметишь, что мой дом горит. Но даже тогда сначала прислушайся к сиренам».

Вот вам и гостеприимство Среднего Запада. По крайней мере, в Нью-Йорке наши соседи приносили нам печенье, когда мы переезжали оттуда. (Должно быть, печеньки были без глютена.)

– Или можешь спрашивать, если потребуются указания, как добраться до ближайшего секс-шопа, – добавил сосед, которого я уже мысленно прозвала Ворчуном.

Жар вспыхнул на моих щеках – румянец смущения и гнева. Слова вылетели прежде, чем я успела подумать:

– Я просто подожду, пока твоя машина отъедет, и последую за тобой. – Он засмеялся удивленным грубым смехом, но все еще не удостоил меня взглядом. – Приятно познакомиться, – резко добавила я и поспешила обратно через раздвижные стеклянные двери в безопасное пространство дома, где мне, возможно, придется прятаться все лето.

– Лгунья, – услышала я его ворчание, прежде чем успела захлопнуть дверь.

Глава 2

Похороны

Я не была готова осматривать остальную часть дома, поэтому села за стол и начала писать. Как обычно, пустой лист обвиняюще смотрел на меня, отказываясь заполняться словами и символами, сколько бы я на него ни смотрела.

Есть одна фишка написания текстов в стиле «Долго и счастливо» – чтобы их писать, вы должны и сами верить в счастливые концовки. И что касается меня, я в них верила. Вплоть до дня похорон моего отца.

Мои родители, да и я сама, уже прошли через многое. И почему-то мы всегда выходили из передраг более сильными, чем прежде, с большей любовью друг к другу. Меж нами было больше смеха, чем раньше. Была, правда, короткая разлука, когда я была ребенком, и мама тогда начала чувствовать, что она потеряла саму себя. Она начала подолгу смотреть в окна, как будто могла там увидеть себя живущей полноценной жизнью и понять, что ей нужно делать дальше.

Когда же папа вернулся, у нас на кухне были танцы, объятия и поцелуи в лоб. Там же, на кухне мы держали совет по поводу первого маминого онкологического диагноза, а потом был безумно дорогой праздничный ужин, когда стало ясно, что мама победила рак. Мы ели так, как будто были

миллионерами, пили их дорогое вино и мою итальянскую содовую и смеялись так, что пузыри от напитков отдавали в нос. Мы гуляли так, будто медицинский долг за лечение не довлел над нами, как будто мы могли позволить себе тратить деньги впустую. А потом рецидив заболевания и новая жизнь после мастэктомии. Уроки керамики, бальные танцы, йога, марокканская кулинария. Ими мои родители заполняли свою жизнь, полные решимости не оставить себе ни минуты свободного времени. Были и долгие поездки на выходные, чтобы повидаться со мной и Жаком в Нью-Йорке. Во время поездок в метро мама умоляла меня перестать потчевать ее историями о наших тупоголовых соседях Шарин и Карин. Только представьте себе, что эти курицы регулярно подкладывали под нашу дверь информационные брошюры «Плоская Земля». Мама хохотала до упаду, а папа в разговорах с Жаком развенчивал теорию плоской Земли.

Испытание судьбы и счастливое избавление. Новое бедствие и снова счастливый конец. Химиотерапия с положительным исходом. А потом в самый разгар этого счастливого финала маминой болезни мой отец просто исчез.

Я помню, как стояла под сводами храма Епископальной церкви, которую посещали мои отец и мать, среди множества одетых в черное людей, шепчущих бесполезные слова. Я чувствовала себя так, словно ходила во сне, и едва ли была в состоянии вспомнить сборы, поездку в аэропорт и сам полет. Я в миллионный раз за последние три дня напоминала

себе, что отца больше нет.

Мама проскользнула в ванную, и я осталась одна, когда увидела ту единственную женщину, которую не смогла узнать. Она была одета в серое платье и кожаные сандалии, а на плечах у нее была вязаная шаль, белые волосы развевались на ветру. Она смотрела прямо на меня.

Через мгновение она рванулась ко мне, и по какой-то причине мой желудок чуть не вывернулся наружу. Как будто мое тело знало, что в этот миг все должно измениться. Присутствие этой незнакомки на папиных похоронах должно было столь же сильно изменить мою жизнь, как и его смерть.

Она нерешительно улыбнулась и остановилась передо мной. От нее пахло ванилью и цитрусовыми.

– Здравствуй, Январия.

Ее голос был хриплым, а пальцы беспокойно перебирали бахрому шали.

– Я так много слышала о тебе.

За ее спиной беззвучно распахнулась дверь ванной и оттуда вышла мама. Она резко остановилась, застыв с незнакомым для меня выражением лица. «Что это, ужас? Мама узнала ее?»

Может быть, она не хотела, чтобы я с ней разговаривала? Что это значит?

– Я старый друг твоего отца, – сказала женщина. – Он очень много значил для меня. Я знала его почти всю свою жизнь. Довольно долго мы были неразлучны, и... он так мно-

го рассказывал о тебе.

Она попыталась засмеяться, но получилось жалкое подобие легкого смеха.

– Прости, – сказала она хрипло. – Я обещала, что не буду плакать, но...

Я чувствовала себя так, словно меня выкинули из окна и падение все не заканчивалось.

Старый друг. Вот что она сказала. Не любовница. Но я догадалась, судя по тому, как она плакала – полная копия маминых слез во время похорон. Я поняла это и по выражению ее лица. Точно такую же маску я видела на своем собственном лице сегодня утром, когда накладывала консилер под глаза. Да, смерть отца непоправимо сломила и ее.

Она выудила конверт из своего кармана. На конверте было нацарапано мое имя, а сверху лежал ключ. С ключа свисала табличка с адресом, написанным тем же аккуратным почерком, что и подпись на конверте. Почерк папы.

– Он хотел, чтобы это было у тебя, – сказала она. – Это твое.

Она сунула конверт мне прямо в ладонь, замерев на секунду.

– Это прекрасный дом, прямо на озере Мичиган, – выпалила она. – Тебе понравится. Он всегда говорил, что когда-нибудь этот дом станет твоим. А письмо это на твой день рождения. Ты можешь открыть его в день рождения или... когда захочешь.

Ха, мой день рождения! Мой день рождения будет только через семь месяцев, и на нем папы уже не будет. Мой отец ушел насовсем.

Мама позади женщины вдруг обрела способность двигаться и шагнула к нам с убийственным выражением лица.

– Соня, – прошипела она.

А потом я узнала и все остальное. Оказалось, это только я была в неведении, мама вовсе нет.

Я закрыла вордовский документ, как будто щелчок по маленькому крестiku в углу мог отключить и мои воспоминания. Чтобы отвлечься, я пролиставала свой почтовый ящик до последнего письма от моего литературного агента Ани.

Письмо пришло два дня назад, еще до моего отъезда из Нью-Йорка, и я все еще находила самые нелепые причины отложить его чтение: упаковывала вещи, относила их в хранилище, была в дороге. Все это время я старалась пить как можно больше воды. Голодная, я размышляла о том, что словами вроде «пишу» изобилуют все самые устрашающие цитаты.

В издательском мире у Ани была репутация крутого бульдога, но в писательской среде она была кем-то вроде мисс Ханни, милой учительницы из «Матильды»⁵, но не в чистом виде, а в сочетании с сексуальной ведьмой. Тебе всегда отчаянно хочется угодить ей – не только потому, что у тебя

⁵ Речь идет о фильме «Матильда» (*Matilda*) 1996 года, где мисс Ханни, учительница девочки-вундеркинда, заменяет ей мать.

есть чувство, что тебя еще никто так не любил и тобой так не восхищался, но и потому, что ты подозреваешь, что она может натравить на тебя стаю голодных питонов, если только захочет.

Я допила свой третий джин с тоником за этот вечер, открыла письмо и наконец прочитала его:

Привет, моя чудесная золотая рыбка, мой ангельский ху-дожник и пчелка, приносящая деньги!

Я знаю, что с твоей стороны было бы безумно что-ли-бо обещать, но редакция «Сэнди» снова написала мне. Они очень хотят знать, как продвигается рукопись, будет ли она готова к концу лета. Как всегда, я готова взять телефон (можешь писать и звонить), чтобы помочь тебе разрешить сложные моменты сюжета и найти больше красивых слов, которые порадуют читателей. Пять книг за пять лет – это трудная задача для любого человека (даже для человека с таким потрясающим талантом, как у тебя), но я действительно считаю, что мы достигли критической отметки и теперь уже сможем произвести на свет очередной роман.

Твоя Аня

Произвести роман. Я подозревала, что к концу лета мне будет легче родить полностью сформировавшегося ребенка,

чем написать и продать новую книгу.

Я решила, что если сейчас лягу спать, то смогу завтра вскочить пораньше и написать несколько тысяч знаков, однако замешкалась перед двойной кроватью в спальне на первом этаже. Не было никакой возможности узнать, в каких постелях спали папа и та женщина.

Весь этот дом был какой-то комнатой смеха, какое-то сочетание греха прелюбодеяния и старости. Но даже это не рассмешило меня. Я потеряла способность находить что-либо смешное в прошлом году, который провела за написанием романтических комедий. Одна из таких комедий закончилась тем, что водитель автобуса заснул, из-за чего вся труппа упала со скалы.

Безумно интересно!

Я попыталась представить, как Аня читала бы мои черновики, если бы я послала их ей. *Поверь, я бы и твой список покупок читала, умирая от смеха! Но это не книга для «Сэнди Лоу». Чуть-чуть меньше обреченности и побольше восторженных вздохов, моя сладкая ласточка!*

Так просто здесь не уснуть. Я налила себе еще джина с тоником и закрыла ноутбук. В доме было жарко и душно, так что я разделась до нижнего белья, затем обошла первый этаж, открывая окна, а уж потом осушила стакан и плюхнулась на диван.

Диван оказался даже более удобным, чем можно было подумать. Черт бы побрал эту женщину с ее прекрасными эк-

лектичными вкусами. Кроме того, я поняла, что для человека с больной спиной этот диван попросту слишком низкий, а это означало, что здесь едва ли занимались сексом.

Хотя у папы спина болела не всегда. Когда я была ребенком, он почти каждый уик-энд, когда был дома, брал меня с собой в лодку. Судя по тому, что я видела, катание на лодке на 90 процентов состояло из бесконечных наклонов и на 10 процентов из созерцания солнца с широко раскинутыми руками, когда ветер свежо продувает куртку. Боль в моей груди нарастала с удвоенной силой.

Эти ранние прогулки на искусственном озере в тридцати минутах езды от нашего дома всегда были только для нас двоих. Обычно папа брал меня с собой на следующее утро после того, как возвращался из поездки. Иногда я даже не знала, что он уже дома. Я просто просыпалась в своей все еще темной комнате от того, что папа щекотал мне нос, шепотом напевая песню Дина Мартина, в честь которой он называл меня: «Это июнь в январе, потому что я влюблен»⁶. Я просыпалась с бьющимся сердцем, зная, что это означает целый день прогулки на лодке вдвоем.

Теперь же я задавалась вопросом, не были ли все эти драгоценные холодные утра «поездками вины» – откупом передо мной и временем для него, чтобы приспособиться к жизни с мамой, после выходных с этой женщиной.

Я решила приберечь этот рассказ для своей рукописи и,

⁶ Песня Дина Мартина (Dean Martin) «June in January», отсюда и Январия.

выбросив все из головы, уткнулась в подушку. Сон тут же поглотил меня, как библейский кит Иону. Проснулась я резко. В комнате было темно, и откуда-то доносилась музыка.

Я встала и побрела, мокрая от пота и все еще не пришедшая в себя. Ноги вынесли меня к кухонному блоку с ножами. Я не слышала о маньяке, который начинал каждое убийство с того, что будил жертву словами «Всем больно»⁷, но действительно не могла исключить такую возможность.

Когда я вошла на кухню, музыка начала затихать, и мне стало ясно, что она доносится с другой стороны. Из дома Ворчуна. Я посмотрела на светящиеся цифры на плите. Половина первого, а мой сосед слушает песню, которую чаще всего можно услышать в старых драмах, где главный герой идет домой один, сгорбившись под дождем.

Я бросилась к окну и почти высунулась в него. Окна в доме Ворчуна тоже были открыты, и я увидела, что внутри много людей. Многие держали стаканы, кружки и бутылки, другие уже лениво склонили головы и обхватили руками шеи, слышался нестройный хор голосов.

Видимо, вечеринка была бурная. Очевидно, Ворчун ненавидел не всех людей, а только меня. Я сложила из рук рупор и крикнула в окно: «Извините!» Потом крикнула еще дважды, но все было бессмысленно. Затем захлопнула окно и обошла первый этаж, захлопывая остальные. Когда я закрыла все, музыка все еще звучала так, как будто «R.E.M.» иг-

⁷ Буквальный перевод названия композиции «Everybody Hurts» группы R.E.M.

рали концерт прямо на моем кофейном столике.

Потом на какое-то прекрасное мгновение песня смолкла, и остались звуки вечеринки – смех, болтовня и звон бутылок. А потом все началось по новой.

Та же песня, и еще громче. О боже! Натягивая спортивные штаны, я размышляла о том, как здорово было бы вызвать полицию с жалобой на шум. С одной стороны, я могла бы поддерживать правдоподобную ложь на очной ставке с моим соседом. *О, это не я вызвала констебля! Я всего лишь молодая женщина двадцати девяти лет, а не капризная старая дева, которая ненавидит смех, веселье, песни и танцы!* С другой стороны, с тех пор как я потеряла отца, мне становилось все труднее и труднее прощать мелкие обиды.

Я накинула толстовку с изображением пиццы и, выскочив через парадную дверь, стала подниматься вверх по ступенькам соседского дома. Прежде чем успела передумать, я потянулась к кнопке звонка.

Звонок загудел тем же мощным баритоном, что и дедушкины часы, перекрывая музыку, но музыка не стихла. Я сочитала до десяти и снова позвонила. Внутри ничего не изменилось. Если гости и слышали звонок в дверь, то не обращали на него внимания.

Я постучала в дверь. Прошло еще несколько секунд, прежде чем я поняла, что никто не откроет, после чего повернулась и пошла домой. «Час ночи», – мысленно установив такую границу, я дала им время до часа, прежде чем бу-

ду звонить в полицию.

Музыка в соседнем доме звучала все громче. За несколько минут, прошедших после закрытия окна, жара в комнате превратилась уже в липкую духоту. От безысходности я выхватила из сумки книжку и, выйдя на веранду, нащупала выключатели рядом с раздвижной дверью.

Мои пальцы коснулись кнопки, но ничего не произошло. Лампочки снаружи были мертвы. Нетрудно представить, какой кошмарной может показаться вся эта ситуация человеку, который вынужден в час ночи читать при свете телефона на веранде второго дома своего собственного отца! Оставаясь на веранде, я начала ощущать, как кожу покалывает от дующего с воды освежающего прохладного бриза.

Веранда Ворчуна тоже была темной, если не считать одинокой люминесцентной лампы, окруженной неуклюжими мотыльками. Поэтому я чуть не закричала, когда что-то шевельнулось в тени его веранды. И под словом «чуть не кричала» я, конечно, подразумеваю «кричала и еще как»!

– Господи!

Темная тварь ахнула и вскочила со стула, на котором только что сидела. Под темной тварью я, конечно, подразумеваю человека, который мерз в темноте, пока я не напугала его до смерти.

– Что, что? – начал спрашивать он, как будто ожидал, что я объявлю, что он весь покрыт скорпионами. Если бы это было так, все было бы не столь неловко.

– Ничего! – сказала я, все еще тяжело дыша от неожиданности. – Я вас там не заметила!

– Вы не заметили меня здесь? – переспросил он, издав скрипучий, недоверчивый смешок. – Неужели? Не заметили меня на моей же собственной веранде?

Честно говоря, я не видела его и сейчас. Свет с крыльца падал из-за его спины, являя мне лишь высокий силуэт в форме человека с ореолом вокруг его темных и, наверное, грязных волос. И хорошо. В данный момент я бы предпочла не встречаться с ним взглядом на протяжении всего лета.

– Вы так же кричите, когда мимо вас проезжает машина или вы замечаете людей в окнах ресторанов? Тогда уж занавесьте получше свои идеально выровненные окна, чтобы случайно *не увидеть* меня, когда я держу нож или бритву.

Я злобно скрестила руки на груди. Вернее, попыталась скрестить. От принятого джина я была все еще немного растерянной и неуклюжей.

Наверное, прежде я просто сказала бы: «Не могли бы вы немного приглушить свою музыку?» И даже больше. Преведная Январия скорее намазалась бы блестками, надела свои любимые бархатные мокасины и появилась бы у входной двери соседа с бутылкой шампанского, полная решимости расположить Ворчуна к себе.

Но до сих пор это был худший из моих дней, так что я вспомнила старушку Тейлор Свифт и сказала:

– Не могли бы вы выключить свой саундтрек для «очень

страдающего парня»?

Силуэт рассмеялся и прислонился к перилам веранды, держа в руке бутылку пива:

– Я похож на того, кто выбирает плей-лист?

– Нет, ты похож на того, кто сидит в темноте один на своей собственной вечеринке, – сказала я. – Когда я звонила в дверь, чтобы попросить твоих друзей уменьшить громкость, они не слышали меня. Наверное, из-за того, что вошли в бассейн с желе⁸. Поэтому я прошу тебя.

В течение минуты в темноте он внимательно смотрел на меня. Хотя, возможно, мне так показалось, поскольку ни один из нас не мог видеть другого.

В какой-то момент он сказал:

– Послушайте, никто не будет так рад, как я, когда эта ночь закончится и все разойдутся по домам. Но это субботний вечер. Летом. На улице полной загородных домов. Если только этот район не был переброшен самолетом в маленький городок из мира «Свободных»⁹, мне не кажется сумасшедшим слушать музыку так поздно. И *может быть*, совершенно новая здесь соседка, которая кричит со своей веранды про *«работу руками»* так громко, что птицы разлетаются, могла бы быть немного снисходительной, если одна

⁸ * *Jell-O-wrestling* – популярная забава.

⁹ *«Свободные»* – американский музыкальный кинофильм 1984 года. Главный герой переезжает с семьей в тихий провинциальный городок, в котором запрещены рок-музыка и танцы.

несчастливая вечеринка закончится чуть позже, чем ей хотелось бы.

Теперь пришла моя очередь удивляться.

Боже, а ведь он прав! Может он и был ворчуном, но я недалеко от него ушла. Карин и Шарин устраивали вечеринки и в более позднее время. И обычно они проходили в будние дни, когда у Жака на следующее утро была смена в реанимации. Иногда я даже посещала эти вечеринки, а теперь не могу смириться с небольшим караоке в субботу вечером!

Но хуже всего было другое. Прежде чем я сообразила, что ответить, в доме Ворчуна воцарилась удивительная тишина. Я видела, как через освещенные задние двери толпа тихо расходилась. Люди обнимались, прощались, ставили чашки на стол и надевали куртки.

Да, зря я спорила с этим парнем! А ведь мне придется жить с ним рядом несколько месяцев. Теперь уже мне чертовски не повезет, если мне понадобится сахар.

Мне захотелось извиниться за мое настойчивое требование и за мой нелепый вид в этих штанах. В эти дни мои реакции всегда казались мне чрезмерными, и я не могла объяснить их сама себе ничем, кроме моих личных и семейных проблем.

Прости, — подумала я, словно писала письмо, — я не хотела превращаться в капризную бабушку. Просто мой отец умер, а потом я узнала, что у него была любовница и второй дом. Моя мама все это знала, но никогда не говорила

мне об этом, она и сейчас не хочет обсуждать со мной это. Когда я наконец решила жить отдельно от мамы, мой папаша решил, что больше не любит меня. Еще и моя карьера застопорилась. Моя лучшая подруга живет слишком далеко, а тут еще этот дом сексуальных утех. Я раньше любила вечеринки, но в последнее время мне ничего не нравится, так что, пожалуйста, простите мое поведение и проведите прекрасно вечер. Спасибо и спокойной ночи.

Но тут меня пронзила острая, как удар ножом, боль и глаза защипало. И вместо того, чтобы озвучить эти свои мысли, я жалобно пискнула, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Я так устала!

Даже по его силуэту можно было сказать, что он оцепенел. Я знаю, что это не редкость для людей – интуитивно чувствовать, что женщина находится на грани эмоционального срыва. В последние несколько недель наших отношений Жак был похож на одну из тех змей, которые могут почувствовать землетрясение. Он напрягался всякий раз, когда я начинала эмоционировать, а затем говорил мне, что нам нужно что-то в магазине, и выбегал за дверь.

Мой сосед ничего не сказал, но и не убежал. Он просто неловко стоял и смотрел на меня из крошечной тьмы. Мы стояли напротив друг друга всего пять секунд, ожидая, что случится первым – я разрыдаюсь или он убежит.

А потом снова заиграла музыка – потрясающая песня Карли Рей Дженсен, которую при других обстоятельствах я бы с

удовольствием послушала. Ворчун вздрогнул. Он оглянулся, посмотрел в глубь комнаты через раздвижные двери, а потом снова взглянул на меня. Кашлянул, прочищая горло.

— Я их выгоню, — сказал он тихо, затем повернулся и исчез внутри. Его встретил единодушный хор голосов: «Эверетт!» Я видела, как все гости собрались на кухне.

Казалось, они были готовы поднять его на стол и заставить пить «штрафную», но я видела, как он наклонился и крикнул что-то блондинке, а через мгновение музыка смолкла. Что ж, в следующий раз, когда мне потребуется произвести впечатление, лучше будет пойти простым путем и заявиться к его порогу с тарелкой домашних печений.

Глава 3

Милашка Пит

Я проснулась с пульсирующей головной болью, от звука эсэмэски. Это от Ани: «Эй, привет! Хотела убедиться, что ты получила мое письмо и прочитала про мое восхищение твоими текстами. Так тебя устраивает тот крайний срок, а именно лето, за которое надо закончить роман?» Упоминание об этом отозвалось в моем черепе похоронным звоном.

Свое первое настоящее похмелье я испытала в двадцать четыре года, на следующее утро после того, как Аня продала мою первую книгу «Поцелуй, поцелуй, желание, желание» редакции «Сэнди Лоу». Чтобы отпраздновать это событие, Жак купил свое любимое французское шампанское, и мы пили его прямо из бутылки, пока шли по Бруклинскому мосту, ожидая восхода солнца. Каким же романтичным нам казалось все это! Позже, лежа в ванной, я поклялась, что скорее упаду на острый нож, чем позволю своему мозгу снова почувствовать себя яйцом, жарящимся на камне под солнцем Канкуна.

И вот опять я лежала, уткнувшись лицом в подушку, а мой мозг шипел в кастрюле черепа. В какой-то момент я решительно встала и срочно побежала в ванную на первом этаже. Вообще-то рвотных позывов у меня не было, но я надеялась,

что притворюсь и мое тело поддастся на это, чтобы очистить организм.

Я бросилась на колени перед унитазом и подняла взгляд на картину в рамке, висевшую на ленте на стене позади него. Папа и *та женщина* стояли на пляже, одетые в ветровки. Он обнимал ее за плечи, ветер трепал ее белокурые волосы и прижимал его слегка поседевшие локоны ко лбу, они улыбались.

А затем более сдержанная, но не менее веселая шутка Вселенной. Рядом с туалетом я заметила журнальную стойку. На ней лежали журнал «Опра» двухлетней давности, экземпляр моей третьей книги «Северное сияние» и это проклятое «Откровение», в твердой обложке, с автографом автора. Я открыла рот, и меня вырвало прямо в унитаз. Затем я встала, прополоскала рот и повернула картину лицом к стене.

– Больше никогда, – сказала я вслух. – Неужели это первый шаг к жизни без похмелья?

Вероятно, это было бы возможно, если бы не дом, который заставляет вас пить. Мне придется искать способы преодоления. Может, начать гулять на природе?

Я вернулась в гостиную, выудила из сумки зубную щетку, взяла губку и почистила раковину на кухне. Следующим важным шагом для меня, чтобы продолжать существовать, был кофе крепостью IV.

Всякий раз при работе над очередным черновиком я не вылезала из жутких штанов, которые даже прозвала шта-

нами уединения. Поэтому кроме коллекции столь же ужасных спортивных штанов я с собой практически ничего не взяла. Я даже просмотрела несколько видеороликов лайф-стайл-блогеров о «капсульных гардеробах», желая максимизировать количество «луков», которые я могла «сформировать» из пары неприлично коротких шорт, которые в основном носила дома во время приступа нервной уборки, и коллекции потрепанных футболок с лицами знаменитостей — наследие моей бурной юности.

Я натянула мрачную черно-белую Джони Митчелл, засушила свое отекавшее от выпивки тело в джинсовые шорты и надела расшитые цветами ботильоны.

У меня есть слабость к обуви, будь она очень дешевой и безвкусной или очень дорогой и эффектной. Как оказалось, мой выбор обуви совершенно несовместим со всей концепцией капсульного гардероба. Я упаковала только четыре пары и сомневалась, что кто-нибудь сочтет мои блестящие теннисные туфли из «Таргет» или сапоги Стюарта Вейцмана¹⁰ выше колена, на которые я хорошо потратилась, классическими.

Я схватила ключи от машины и уже собиралась выйти на ослепительное летнее солнце, когда услышала, как мой телефон прожужжал из-под диванных подушек. Сообщение от Шад: «Страстно целовалась с Зачарованной Шляпой». И

¹⁰ Американский обувной дизайнер, предприниматель и основатель обувной компании *Stuart Weitzman*.

куча маленьких значков-черепов.

Спотыкаясь, я все-таки вышла на улицу и тогда напечатала в ответ: «Немедленно обратиться к священнику».

По дороге к своей машине «Киа» я старалась не думать о вчерашней унижительной стычке с соседом, но это только высвобождало мои мысли, из-за чего они вновь переключались на мою самую нелюбимую тему.

Папа. В последний раз, когда мы вместе катались на лодке, он отвез нас на этой самой машине к искусственному озеру и сказал, что подарит ее мне. В тот же день он сказал мне, что я должна, просто обязана переехать в Нью-Йорк. Жак уже учился в медицинском колледже, и мы часто мотались между городами, чтобы я могла быть с мамой. Папе приходилось много путешествовать по «работе». Даже если я в конечном счете верила в свою собственную историю, какая-то часть меня все еще боялась оставлять маму одну. Как будто мое отсутствие каким-то образом освободит место для грозного заболевания, которое вернется в третий раз.

– Она в порядке, – заверил папа, когда мы сидели на холодной темной парковке.

– Оно может вернуться, – возразила я. Я не хотела пропустить ни одной секунды с ней.

– Все может случиться, Яна.

Да, именно так он и сказал.

– Все может случиться с мамой или со мной, или даже с тобой, в любой момент. Но сейчас ничего не происходит.

Сделай хоть что-нибудь для себя, малыш.

Может быть, он думал, что мой переезд в Нью-Йорк для совместной жизни с моим бойфрендом станет для меня тем же самым, чем для него самого стала покупка второго дома, где он прятался со своей любовницей? Я бросила аспирантуру, чтобы помогать маме во время второго курса химиотерапии, вложила все, что могла, в оплату медицинских счетов. А где он был тогда? Пил «Пино-нуар» в ветровке на пляже с этой женщиной?

Я отогнала от себя эту мысль и скользнула в машину. Кожаное кресло обожгло мои бедра, и я отъехала от тротуара, опустив на ходу стекло. В конце улицы повернула налево, подальше от воды, и направилась в город. Залив, тянувшийся вдоль правой стороны, бросал искрящиеся лучи света в мое окно, и горячий ветер ревел у меня в ушах. На мгновение мне показалось, что жизнь вокруг меня перестала существовать. Я просто плыла мимо кучки плохо одетых подростков, которые толпились вокруг киоска с хот-догами слева от меня, мимо родителей и детей, выстроившихся в очередь у дверей магазина мороженого справа, и группы велосипедистов, едущих навстречу мне в сторону пляжа.

Я ехала по главной улице, где здания теснились все ближе и ближе, пока не оказались прижатыми друг к другу. Там был крошечный итальянский ресторанчик с увитыми виноградом террасами вровень с магазином для скейтбордистов, втиснутым в ирландский паб по соседству. Затем встрети-

лась старомодная кондитерская и, наконец, кафе под названием «Кафе Пит». Прошу не путать с вывеской «Кофе Пита»¹¹, хотя трудно отказаться от мысли, что людей специально пытались запутать.

Я зарулила на стоянку и нырнула в сладкую кондиционированную прохладу кафе «Пит», а не «Пита». Полы были выкрашены в белый цвет, а стены – в темно-синий, испещренный серебряными звездочками. В море этих звездочек встречались островки высказываний – случайные банальности, приписываемые «анонимам». Комната выходила прямо в хорошо освещенный книжный магазин. Над его дверью красовалась вывеска «Книги Пит», выполненная тем же самым приятным серебром. Пожилые мужчина и женщина во флисовых жилетах, развалившись, сидели в креслах в дальнем углу. И больше никого, если не считать женщины средних лет и меня.

– Слишком хороший денек, чтобы сидеть дома, – сказала девушка-бариста, словно прочитав мои мысли.

У этой блондинки был грубоватый голос, соответствовавший ее простой стрижке, а ее крошечные золотые серьги-кольца мерцали в мягком свете кафе, когда она махала передо мной полным набором бледно-розовых накладных ногтей на пальцах.

– Не надо стесняться. Здесь, в «Кафе Пит» мы все одна семья.

¹¹ *Peet's Coffee* – известный кофейный бренд.

Я улыбнулась и ответила:

– Боже, надеюсь, что нет.

Она хлопнула ладонью по стойке и рассмеялась.

– О, да, семья – это слишком сложно, – согласилась она. –

В любом случае, что я могу вам предложить?

– Что-нибудь по-крепкости похожее на реактивное топливо.

Она глубокомысленно кивнула:

– О, ты одна из... новеньких. Откуда ты, милая?

– Совсем недавно из Нью-Йорка, а до этого из Огайо.

– У меня семья в Нью-Йорке. В смысле в штате, а не в городе. Но ведь ты говоришь о городе, не так ли?

– Квинс, – подтвердила я.

– Никогда не была там, – ответила она. – Хочешь молока? Сироп добавить?

– Немного молока не помешает.

– Целиком? Половина? Одна шестнадцатая?

– Просто удиви меня. Я не привередлива, когда речь заходит о дробях.

Она откинула голову назад и снова засмеялась, без энтузиазма берясь за рычаги кофемашины.

– У кого в наши дни есть время на что-то особенное? Клянусь, даже в этом затерянном местечке время летит слишком быстро для меня. Может быть, если бы я начала пить это твоё «реактивное топливо», все было бы по-другому.

Встретить бариста, который сам не пьёт эспрессо, не са-

мый лучший вариант, но мне нравилась эта девушка с крошечными золотыми сережками. Честно говоря, она мне так понравилась, что я почувствовала легкий укол тоски.

Я снова вспомнила себя в прошлом. Как я любила устраивать тематические вечеринки с костюмами! Едва ли я могла заехать на заправку или стоять в очереди на почте, не планируя выпить при этом кофе. Я могла пойти на открытие галереи с кем-то, кого только что встретила. Мой телефон был прежде пронизан контактами, такими как *Сара, бар «Якорь»*, *Парень с милой собакой* и *Майк, работает в той новой коммиссионке*. Однажды я встретила Шади в туалете пиццерии, когда она вышла из кабинки, одетая в лучшие ботинки *«Frye»*, которые я когда-либо видела. Лишь сейчас я поняла главное. Мне не хватало того глубокого любопытства к людям, той искры возбуждения, когда ты понимаешь, что у тебя есть что-то общее с другими. Или это восторг восхищения, когда ты обнаруживаешь рядом с собой обладателя скрытого таланта или другого хорошего качества. Иногда мне просто не хватало симпатии к людям.

Но эта бариста... она была очень симпатичной. Даже если кофе и отстойный, я точно знала, что вернусь. Девушка закрыла чашку пластиковой крышкой и поставила ее передо мной.

– С новичков плата не взимается, – сказала она. – Я просто прошу тебя зайти еще раз.

Я улыбнулась, пообещала, что так и сделаю, и сунула по-

следнюю долларовую купюру в банку с чаевыми. Бармен вернулась к мытью прилавков. На обратном пути к двери я замерла, и в голове у меня воспоминанием пронесся голос Ани: «Эй, сладкая моя, я не пытаюсь переступить черту, но, знаешь ли, эти книжные клубы – просто рынок твоей мечты. Если ты буквально в двух шагах от книжного магазина в маленьком городе, тебе следует заглянуть туда и хотя бы поприветствовать их».

Я знала, что воображаемая Аня права. Сейчас каждая продажа имела для меня значение.

Нацепив на лицо улыбку, я вошла в книжный магазин. Ах, если бы я только могла вернуться назад во времени и выбрать любой наряд, кроме того костюма из музыкального клипа Джессики Симпсон 2002 года, в котором я сейчас была!

Магазинчик был заполнен дубовыми полками вдоль внешних стен и лабиринтом из полок поменьше между ними. Кассовый аппарат был без присмотра, и, ожидая продавца, я засмотрелась на троицу девочек-подростков в брюках с подтяжками в отделе романтики, чтобы убедиться, что те хихикают не над одной из моих книг. Я была бы огорчена, если бы увидела экземпляр моей книги «Южный комфорт» в руках рыжеволосой. Девушки снова ахнули и захихикали, когда рыжеволосая прижала книгу к груди, открыв обложку. На ней обнимались обнаженные по пояс мужчина и женщина, вокруг которых прыгали языки пламени. Определенно не моя книга.

Я сделала глоток латте и быстро выплюнула его обратно в чашку. На вкус кофе напоминал глину.

– Извини за ожидание, – раздался скрипучий голос из-за моего плеча, и я повернулась к женщине, которая зигзагами двигалась ко мне через кривые ряды полок.

– Эти колени уже не столь быстры, как прежде.

Сначала я подумала, что это, должно быть, сестра-близнец той барменши, но потом поняла, что все дело в одинаковых серых фартуках с логотипом «Кафе Пит». Женщина как раз развязывала свой серый фартук, когда шла к кассе.

– Ты бы поверила, что я была чемпионом по роллер-дерби?¹² – сказала она, бросая на прилавок скомканный фартук. – Хочешь верь, а хочешь нет, но я добилась этого.

– В данный момент я едва ли удивлюсь, узнав, что вы мэр этого Медвежьего угла.

Она хрипло рассмеялась.

– О нет, этого я не могу про себя сказать! Хотя, может быть, я и могла бы сотворить здесь что-нибудь, если бы они меня выбрали! Этот город – славный маленький кармашек прогрессивизма, но люди у власти все еще удивительно старомодны.

Я с трудом сдержала улыбку. Это было так похоже на то, что сказал бы папа. Боль пронзила меня, острая и горячая, как кочерга.

¹² *Роллер-дерби* – контактный командный вид спорта на роликовых коньках. Преимущественно женский.

– В любом случае, не обращай внимания на меня, – произнесла она, приподняв густые пепельно-светлые брови. – Я всего лишь скромный предприниматель. Чем я могу тебе помочь?

– Я просто хотела представиться, – призналась я. – Вообще-то я писатель, работаю в издательстве «Сэнди Лоу Букс» и приехала сюда на лето. Так что решила поздороваться и подписать контракт, если он у вас есть.

– О, еще один писатель в городе! – воскликнула она. – Как интересно! Знаешь, наш Медвежий угол привлекает художников самого разного рода. Я думаю, привлекает наш образ жизни. И колледж тоже. Там полно всяких вольнодумцев. Прекрасная маленькая община, тебе здесь понравится...

Судя по тому, как она произнесла последнее слово, она явно ждала, что я вставлю свое имя в конце предложения.

– Январия, – вставила я. – Эндрюс.

– Пит, – сказала она, пожимая мне руку с почти пугающим воодушевлением.

– Пит? – удивилась я. – Кофейня Пит тоже ваша?

– Тоже. Официальное имя Пози. Ну что за имя такое? – ответила она, попытавшись передать руками негодование. – Seriously, я что, похожа на Пози? Кто-нибудь вообще похож на Пози?

Я отрицательно покачала головой:

– Разве что ребенок в костюме из полиэстера с цветочками?

– Но как только я смогла говорить, я сразу же все прояснила, – ответила Пит. – Во всяком случае, Январия Эндрюс...

Она подошла к компьютеру и набрала мое имя на клавиатуре.

– Давай посмотрим, есть ли у нас твоя книга.

Я никогда не поправляла людей, когда они говорили «книга» в единственном числе, не допуская, что их несколько, но иногда это предположение особенно сильно действовало мне на нервы. Это заставило меня почувствовать, что люди считают мою карьеру случайностью. Как будто я чихнула и вышел любовный роман.

А еще были люди, которые вели себя так, будто мы вместе играем в какую-то тайную игру. Когда они узнавали, что я пишу оптимистичную женскую прозу, они неизменно спрашивали: «И это может оплатить все счета?» Они так говорили, практически умоляя меня подтвердить, что я пишу только ради денег, а не потому, что мне хочется писать книги о женщинах или любви.

– Похоже, у нас их нет на складе, – сказала Пит, отрываясь от экрана. – Но вот что я тебе скажу. Я с удовольствием закажу их.

– Это было бы здорово! – сказала я. – Возможно, мы даже могли бы провести встречу с читателями, позже, этим летом.

Пит ахнула и схватила меня за руку.

– Это идея, Январия Эндрюс! Ты просто обязана войти в наш Клуб книголюбов. Мы бы с удовольствием приняли те-

бя. Это отличный способ быть вовлеченным в наше сообщество. Сегодня понедельник. Ты можешь прийти к нам в этот понедельник? А завтра?

Моя воображаемая Аня оживилась. *Знаешь, что сделало известной «Девушку в поезде»? Книжные клубы!*

Сама я не была в этом уверена, но Пит мне понравилась.

– Понедельник вполне подходит.

– Фантастика! Семь вечера, много выпивки, шумную встречу гарантирую.

Она взяла со стола визитную карточку и протянула ее через стойку.

– Вот мой адрес. Ты ведь имеешь доступ к электронной почте, не так ли?

– Почти постоянно.

Улыбка Пит стала еще шире:

– Тогда просто напиши мне сообщение, и мы позаботимся о том, чтобы все было готово к завтрашнему дню.

Я пообещала ей, что так и сделаю, и повернулась, чтобы уйти, но едва не врезалась в выставочный стол. Наблюдая, как дрожит пирамида книг, я стояла там и ожидала, не упадут ли они, и вдруг поняла, что вся она сложена их экземпляров одной и той же книги, каждая из которых была отмечена автографом на наклейке.

Жуткое покалывание пробежало по моей спине.

Там, на абстрактной черно-белой обложке, квадратными красными буквами под словом «Откровения» было написа-

но его имя. Все это стало складываться у меня в голове, как цепочка домино, только из мгновенных озарений. Я не хотела говорить это вслух, но могла бы.

Тут колокольчик над дверью книжного магазина звякнул. Когда я подняла глаза, он уже был внутри. Знакомая оливковая кожа. Острые скулы, об которые можно порезаться. Кривые губы и хриплый голос, который я никогда не забуду. Взлохмаченные темные волосы, которые я сразу же представила себе в ореоле флуоресцентного света лампы.

Август Эверетт. Гас, каким я знала его еще в колледже.

«Эверетт!» – в тот же самый момент воскликнула из-за стола Пит.

Он самый, а заодно и мой сосед Ворчун.

Я сделала то, что сделала бы любая разумная взрослая женщина, столкнувшись со своим соперником по колледжу, неожиданно оказавшимся ее соседом. Я нырнула за ближайшую книжную полку.

Глава 4

Тот самый рот

Что было самым худшим в соперничестве с Гасом Эвереттом в колледже? Возможно то, что сам Гас мог просто не знать об этом. Он был на три года старше меня – сразу после школы работал могильщиком в буквальном смысле этого слова. Я знала все это только потому, что каждая история, которую он рассказывал на нашем первом семестре, вертелась вокруг кладбища, где он тогда работал.

Остальные участники нашей творческой писательской программы высасывали пищу для творчества из пальца или искали ее в воспоминаниях детства. Футбольные матчи, выигранные в самый последний момент, ссоры с родителями, поездки с друзьями. Гас Эверетт, в отличие от них, писал о восьми видах скорбящих вдов, анализировал самые распространенные эпитафии, выделяя из них самые смешные – те, которые тонко выдавали напряженные отношения между покойным и человеком, оплатившим счет за надгробие. Как и я, Гас учился в университете бесплатно и, более того, всегда получал стипендию, что было мне непонятно совершенно. Ведь он не занимался спортом и технически даже не закончил среднюю школу. Единственным объяснением было то, что он был ужасно хорош в том, что делал.

И в довершение всего Гас Эверетт был чертовски привлекателен. Но это не тот универсальный вид красавца, который красив объективно. С его стороны был скорее магнетизм. Гас едва ли был выше среднего роста и обладал невыраженной мускулатурой худощавого человека, который никогда не прекращал двигаться, но и никогда намеренно не тренировался. Его худоба шла от генетики и энергии беспокойства, а не от хороших привычек, на которых далеко не уедешь.

Все дело было в том, как он говорил, как двигался, как смотрел на вещи. Нет, скорее, как видел их. Казалось, его глаза темнели и увеличивались всякий раз, когда он сосредотачивался, а его брови хмурились над помятым носом. Это я еще не рассказала о его кривой ухмылке, которую вообще следовало бы объявить вне закона.

Прежде чем бросить учебу, Шади, учившаяся со мной, спрашивала каждый вечер за ужином, нет ли чего нового от «сексуального злого Гаса». Да и я была слегка одурманена им и его прозой.

Это продолжалось до тех пор, пока я наконец не заговорила с Гасом в первый раз на занятии. Я раздавала экземпляры своего последнего рассказа в группе для критики, вручила листочки и ему, а он посмотрел мне прямо в глаза и произнес: «Дай угадаю: все живут долго и счастливо. *Опять*».

Я тогда еще не писала романов и даже не понимала, как сильно люблю читать романы, пока два года спустя маме не

поставили второй диагноз. Именно тогда мне особенно нужно было отвлечься от написания коротких рассказов. Но уже тогда я определенно писала в основном о мире, где вершится только добро, где любовь и человеческие отношения это все, что действительно имеет значение.

И вот Гас Эверетт смотрел на меня таким взглядом, словно хотел пробуравить мне голову и понять, что у меня там. Должно быть, он решил, что я – воздушный шарик, который нужно «лопнуть».

Дай угадаю: все живут долго и счастливо. Опять.

Следующие четыре года мы по очереди выигрывали учебные литературные премии и конкурсы, но почти не разговаривали, если не считать семинаров, на которых он редко критиковал чьи-либо рассказы, кроме моих, и почти всегда опаздывал к началу. Он приходил без половины своих вещей и постоянно просил у меня ручку. А потом была дикая ночь на вечеринке писательского братства, где мы... не то чтобы разговаривали, но определенно взаимодействовали.

Честно говоря, наши пути постоянно пересекались – отчасти потому, что он встречался с двумя моими соседками по комнате и многими другими девушками на нашем этаже. Хотя едва ли это были обычные свидания. Гас был печально известен тем, что его чувства сгорали через две-четыре недели. Одна из соседок все еще надеялась стать исключением, тогда как вторая (и многие другие) уже полностью осознали, что Гас Эверетт был просто кем-то, с кем можно было весело

провести время на срок... до тридцати одного дня.

Если только вы не пишете короткие рассказы со счастливым концом и не учитесь в колледже, у вас едва ли будет много шансов провести четыре года в компании вечного соперника, еще шесть лет после гуглить его имя, чтобы сравнить ваши достижения, а потом неожиданно столкнуться с ним как раз в тот момент, когда вы одеты как подросток, подрабатывающий на автомойке. Например, как здесь и сейчас. На входе в книжный магазин.

Я уже планировала, что именно напишу Шади, одновременно пробираясь между полок и делая вид, что небрежно просматриваю книги (пробегая мимо них трусцой, ну, знаете, все ведь так делают в книжном магазине).

– Январия! – крикнула Пит. – Яна, куда ты пропала? Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомилась.

Неловко признавать, но я просто застыла, смотря на дверь и оценивая, смогу ли я выйти оттуда незамеченная. Важно отметить, над дверью было *колокольчики*, но я все равно рассматривала вариант побега.

Наконец я сделала глубокий вдох, заставила себя улыбнуться и вышла из-за полок, сжимая свой ужасный латте, как будто это был пистолет.

– Ха-а-а-а-й, – протянула я и неловко помахала рукой, как делают гигантские куклы в детских парках.

Мне пришлось заставить себя посмотреть прямо ему в глаза. Он выглядел точно так же, как на своей авторской фо-

тографии: острые скулы, яростные темные глаза и худые мускулистые руки могильщика, ставшего писателем.

Он был одет в мятую синюю (или выцветшую черную) футболку и мятые темно-синие (или выцветшие черные) джинсы, а в его волосах и едва заметной щетине вокруг кривого рта начала пробиваться седина.

– Это Январия Эндрюс, – объявила Пит. – Она писательница. Только что переехала сюда.

Я могу поклясться, что увидела, как на его лице появилось то же осознание, какое осенило меня несколько минут назад. Его взгляд сверлил меня, словно он собирал воедино все то, что сумел разглядеть в темноте прошлой ночью.

– Вообще-то мы уже встречались, – сказал он, и огонь тысячи солнц обжег мне лицо.

– А? – обрадовалась Пит. – Когда же?

Мой рот беззвучно открылся, на языке уже вертелось слово «колледж», когда мой взгляд снова сосредоточился на Гасе.

– Мы соседи, – сказал он. – Верно?

О боже. Возможно ли, что он вообще меня не помнил? Меня зовут Январия, достаточно редкое имя. Была бы я какая-нибудь Ребекка или Кристина. Я старалась не думать слишком много о том, как Гас мог забыть меня, потому что это только изменило бы цвет моего лица, заставив оттенок пережаренного омара перейти в тон баклажана.

– Верно, – сказала я. Телефон рядом с кассой зазвонил, и

Пит подняла палец, извиняясь. Она повернулась, чтобы ответить, оставив нас одних.

– Итак, – наконец произнес Гас.

– Итак, – повторила я.

– А что вы пишете, Январия Эндрюс?

Я изо всех сил старалась не смотреть искоса на гору «Откровений» на столе сбоку от меня.

– В основном романтику.

Бровь Гаса поползла вверх:

– Ах!

– Ах – что? – спросила я, защищаясь.

Он пожал плечами:

– Просто «Ах».

Я сложила руки на груди:

– Это было бы ужасно – понимать, что оценка для меня «Просто ах».

Он прислонился к столу и тоже скрестил руки на груди, нахмутив брови.

– Ого, быстро получилось, – сказал он.

– Что получилось?

– Оскорбить тебя всего один слогом. «Ах». Впечатляюще.

– Оскорбить? Ничуть. Я так выгляжу просто потому, что ужасно устала. Представляешь, мой странный сосед всю ночь слушал свою ужасающе печальную музыку.

Он задумчиво кивнул:

– Так это из-за музыки тебе было так плохо прошлой но-

чью? Ты же знаешь, что если у тебя есть проблемы с *музыкой*, то никогда не поздно попросить о помощи, есть специальные клиники...

– Кстати, – сказала я, все еще борясь с румянцем. – Ты никогда не говорил мне, что пишешь, Эверетт. Я была уверена, что это что-то действительно новаторское и важное. Совершенно новое и свежее. Как история о разочарованном белом парне, блуждающем по миру, непонятному ему и холодному.

У него вырвался смех:

– Холодному? Наверное, только на фоне искусно написанных сексуальных сцен из вашего жанра. Скажи, что ты находишь более увлекательным для написания: влюбленных пиратов или влюбленных оборотней?

Я снова закипела от злости:

– Ну, на самом деле речь идет не столько обо мне, сколько о том, чего хотят мои читатели. Каково – это писать фанфики по Хемингуэю? Всех своих читателей знаешь по именам?

В том, чтобы быть этой новой, яростной Январией было что-то удивительно освобождающее.

Голова Гаса склонилась в знакомой мне манере. Он нахмурился, и его темные глаза изучающе смотрели на меня. От такого взгляда у меня по коже побежали мурашки. Его полные губы чуть приоткрылись, как будто он собирался что-то сказать, но в этот момент Пит закончила разговор и проскользнула в наш тесный круг, разорвав его.

– Но какова вероятность, а? – спросила Пит, хлопая в ла-

доши. — Два опубликованных писателя на одной и той же улочке в этом Медвежьем углу! Держу пари, вы будете вдвоем торчать в этом городе все лето. Я же говорила тебе, что в этом городе полно художников, не так ли, Яна? Тебе это понравится! — Она от души рассмеялась. — Не успела я это сказать, как Эверетт зашел в мой магазин! Похоже, сегодня на моей стороне Вселенная.

Звонок телефона у меня в кармане спас меня от необходимости отвечать. В кои-то веки я поспешила ответить на звонок, стремясь избежать нежелательного для меня разговора. Я надеялась увидеть Шади, но на экране появилась надпись «Аня», от чего мой желудок сжался.

Я подняла глаза и увидела, что темные глаза Гаса впились в меня. Эффект был устрашающим, и я взглянула на Пит.

— Извини, я должна ответить. Мне очень приятно было с вами познакомиться.

— Взаимно! — уверила меня Пит, когда я отступала через лабиринт полок. — И не забудь прислать мне письмо!

— Увидимся дома! — крикнул мне вслед Гас.

Я ответила на звонок Ани и выскользнула наружу.

Глава 5

Лабрадоры

– Поклянись, что ты сможешь это сделать, Яна, – говорила мне Аня, когда я выезжала из этого городка в теперь уже мой дом. – Если я пообещаю «Сэнди» книгу к первому сентября, то мы должны получить ее к первому сентября.

– Я писала такие книги и за половину этого времени, – ответила я, перекрывая шум ветра.

– О, я знаю, что это так. Но мы говорим об этой рукописи. Мы говорим конкретно о том, чтобы завершить эту книгу до конца лета. На каком этапе ты находишься?

Мое сердце бешено колотилось. Она же поймет, что я ей вру!

– Пока начисто ничего нет, – призналась я. – Но это запланировано. Мне просто нужно немного времени, чтобы все обдумать, не отвлекаясь.

– Я могу тебя не торопить. Но пожалуйста, пожалуйста, не ври мне. Если ты хочешь отдохнуть...

– Мне не нужен перерыв, – сказала я.

У меня просто не было возможности позволить себе его. Я должна была сделать все, что потребуется, а потом освободить дом, который я прозвала «пляжным», и продать его вместе с рукописью. Но для этого надо написать роман,

несмотря на то, что в последнее время у меня пропала почти вся вера в любовь и человечность.

– Все идет замечательно, – добавила я.

Аня притворилась, что осталась удовлетворена, а я притворилась, что поверила ее неловкой игре. Сегодня было второе июня, и у меня оставалось чуть меньше трех месяцев, чтобы написать книгу.

Поэтому, конечно, вместо того, чтобы ехать прямо домой и работать, я поехала в продуктовый магазин. По пути сделала еще пару глотков латте из «Кафе Пит», и этого с меня оказалось достаточно. Не допив, я выбросила стаканчик в мусорное ведро по пути в ближайший «Мейер», где и купила кофе в «Старбаксе» – гигантское ведро с ледяным американо. Потом запаслась достаточным количеством самой простой еды (макароны, хлопья, все, что не требовало длительной варки), чтобы продержаться пару недель.

Ко времени моего возвращения домой солнце стояло еще высоко, жара была густой и липкой, но холодный кофе немного смягчил стук в моей голове. Закончив выгружать продукты, я вынесла свой ноутбук на веранду и только тут поняла, что опрометчиво позволила прошлой ночью батарее разрядиться. Вернувшись в дом, подключила ноут к сети, и услышала, как на столе звякнул телефон. Сообщение от Шадди: «Тот самый Сексуальный Злой Гас? Он спрашивал обо мне? Скажи ему, что я скучаю».

Я набрала ответ: «Да, все еще сексуальный и злой. Но я

не скажу ему об этом, потому что не буду говорить с ним ни о чем. Он меня и не вспомнил».

Шади немедленно ответила: «Хммм, это не может быть правдой. Ты же его сказочная принцесса. Его собственная тень. Или он твоя тень, я уже не помню».

Она имела в виду еще один унижительный момент с Гасом, который я тщетно пыталась забыть. Он подошел на общем для нас уроке математики к Шади и сказал, что заметил, что она со мной дружит. Когда она подтвердила, он спросил ее, в чем заключается моя часть «сделки». Когда она попросила его объяснить, что, черт возьми, это значит, он пожал плечами и пробормотал что-то о том, что я веду себя как сказочная принцесса, которую вырастили лесные гномы. Шади сказала ему, что я на самом деле императрица, которую воспитали два очень сексуальных шпиона.

Видеть его здесь, в этом тихом, спокойном месте, практически на природе, после всех этих лет было ужасно, о чем я и написала ей: «У меня моральная травма. Пожалуйста, приежай и утешь меня».

– Скоро, хабиби¹³, – написала она в ответ.

В тот день я намеревалась написать полторы тысячи слов, но добралась только до четырехсот. С другой стороны, я также выиграла двадцать восемь последовательных партий

¹³ *Хабиби* – арабское слово, означающее «мой дорогой» или «любимый» в мужском роде, но в современном сленге это и «милый/милая», и «любимый/любимая», и «друг/подруга». Здесь «милок/дорогуша».

в пасьянс «Паук» и остановилась лишь затем, чтобы поджарить овощи. Отужинав, я устроилась в темноте за кухонным столом и сидела с бокалом красного вина в свете от своего ноутбука. Все, что мне было нужно, это хоть какой-то первый набросок. Я уже написала их десятки, но выкидывала листы быстрее, чем успевала перечитывать, а затем старательно переписывала все в последующие месяцы.

Так почему бы мне просто не сесть и не заставить себя написать книгу, пусть даже она будет плохой?!

Боже, как я скучала по тем дням, когда слова лились рекой, когда я писала эти счастливые концовки, эти поцелуи под дождем под звуки музыки. Сцены с предложением руки и сердца на коленях были лучшей частью моего писательского труда.

Тогда истинная любовь казалась мне главным призом – чем-то единственным в этом мире, способным выдержать любую бурю, спасти от тяжелой работы и страха. И писать о такой любви казалось мне самым важным подарком, который я только могла сделать.

И даже если эта часть моего мировоззрения сейчас была в творческом отпуске, я не могла не знать, что иногда убитые горем женщины находили свое «долго-и-счастливо» – момент абсолютного восторга, под дождем, с романтической музыкой на фоне.

Мой ноутбук запищал – пришла электронная почта. Мой желудок перевернулся и не возвращался в нормальное поло-

жение, пока я не убедилась, что это был просто ответ от Пит с адресом ее Книжного клуба и единственным предложением не стесняться приносить свои любимые напитки.

Я улыбнулась, подумав, что какая-нибудь версия дамы по имени Пит точно войдет в мою книгу.

– Будем жить сегодняшним днем, – сказала я вслух, затем взяла свое вино и побрела к задней двери.

Я прикрыла глаза ладонью, чтобы не слепил блик от стекла, и посмотрела в сторону дома Гаса. Там еще утром поднимался из очага дым, но теперь он исчез и веранда опустела.

Поэтому я открыла дверь и вышла. Мир был окрашен в оттенки синего и серебряного. Нежный шум прибоя, разбивающегося о песок, усиливался тишиной остального мира. Порыв ветра сорвался с верхушек деревьев, заставив меня вздрогнуть. Я поплотнее закуталась в халат, осушила бокал вина и повернулась к дому.

Сначала я подумала, что привлекавшее мое внимание свечение исходило от моего собственного ноутбука, но свет шел не из моего дома. Он сиял из темных окон дома Гаса достаточно ярко, чтобы я могла видеть, как он расхаживает перед своим столом. Внезапно он остановился и наклонился, чтобы напечатать что-то, потом взял со стола бутылку пива и снова принялся расхаживать по комнате, проводя рукой по волосам.

Мне была хорошо знакома эта «хореография». Он мог сколь угодно шутить о моих влюбленных пиратах и оборот-

нях, но если дело доходит до таких забегов в темноте, значит, Август Эверетт в большом затруднении и, точно так же как я, не может написать ни строчки.

* * *

Пит жила в розовом викторианском доме на окраине университетского городка. Даже в грозу, которая нещадно хлестала по озеру в понедельник вечером, ее дом выглядел милым, как кукольный домик.

Я припарковалась у дороги и уставилась на его увитые плющом окна и очаровательные башенки. Солнце еще не село, и мягкие серые облака красиво рассеивали его уходящий свет, превращая его в тусклое зеленоватое свечение. Сад, раскинувшийся от крыльца дома Пит до белого штaketника, отсюда казался волшебнo-пышным под пеленой тумана. Это был идеальный побег из «писчей пещеры», в которой я пряталась весь день.

Я схватила с пассажирского сиденья сумку, полную подписанных закладок и цитат из «Южного комфорта», выскочила из машины, натянула капюшон и побежала сквозь дождь, открыв калитку, чтобы проскользнуть внутрь по мощенной камнем дорожке.

Сад Пит показался мне, пожалуй, самым живописным местом, где я когда-либо бывала, но лучше всего было то, что грохот композиции «Еще один кирпич в стене»¹⁴ слышался,

¹⁴ ** *Another Brick in the Wall* – название сразу трех композиций из рок-оперы *The Wall* группы *Pink Floyd*.

даже когда я ступала на крыльцо.

Прежде чем я успела постучать, дверь распахнулась, и Пит, держа в руке полный пластиковый бокал синего цвета, пропела, растягивая слова:

– Январия Эндрюс!

Где-то позади нее хор голосов пропел в ответ:

«Январия Эндрюс!»

– Пит! – пропела я в ответ, протягивая бутылку «Шардоне», которую купила по дороге. – Большое спасибо, что пригласили меня.

– Оххх!

Она взяла бутылку вина и, прищурившись, посмотрела на этикетку, а затем усмехнулась. Вино называлось *POCKETFUL OF POSIES*¹⁵, но я зацарапала слово *POSIES* и написала вместо него PETE'S¹⁶.

– Звучит по-французски! – пошутила она. – Это голландское слово, обозначающее фантазию!

Она помахала мне, чтобы я шла за ней по коридору туда, где играла музыка:

– Заходи и познакомься с девочками.

На коврике у двери лежала кучка обуви в основном из сандалий и походных ботинок, поэтому я сбросила свои зеленые резиновые сапожки на каблуках и пошла по коридору, куда меня вела Пит. Ногти у нее на ногах были выкрашены

¹⁵ *Полный карман букетов (англ.).

¹⁶ Полный карман у Пит.

в лавандовый цвет в тон свежему маникюру, а в выцветших джинсах и белой льняной рубашке на пуговицах она производила более мягкое впечатление, чем в магазине.

Мы пронеслись мимо кухни, гранитные столешницы которой были заставлены бутылками с ликером, и вошли в гостиную в задней части дома.

– Как правило, мы сидим в саду, но обычно нет такого ливня, так что сегодня пришлось собраться внутри. Мы сейчас ждем еще одного члена общества.

Комната была довольно маленькой, и я чувствовала, что она переполнена, хотя в ней находились всего пять человек. Конечно, три черных лабрадора, двое из которых дремали на диване, а один – в кресле, были не в счет. Ярко-зеленые деревянные стулья были расставлены небольшим полукругом. Одна из собак вскочила и, виляя хвостом, пошла через море ног, чтобы поприветствовать меня.

– Девочки, – сказала Пит, касаясь моей спины, – это Январия. Она принесла вино!

– Вино! Это прекрасно! – произнесла женщина с длинными светлыми волосами, шагнув вперед. Она обняла меня и поцеловала в щеку.

Когда блондинка отодвинулась, Пит передала ей бутылку вина, а затем обошла комнату, направляясь к музыкальному центру.

– Я Мэгги, – представилась блондинка. Ее высокая, стройная фигура казалась еще более высокой из-за моря белых

драпировок на ее одежде. Она улыбнулась мне сверху вниз, как леди Золотого леса Галадриэль, ну, или как стареющая Стиви Никс. Морщинистые уголки ее карих глаз сладко прищурились. – Приятно познакомиться, Январия.

И тут же прозвучал голос Пит, который показался слишком громким, поскольку музыка в этот момент оборвалась: «Она – миссис Пит».

Безмятежная улыбка Мэгги, казалось, была подобием страстного закатывания глаз.

– Можно просто Мэгги. А это Лорен, – сказала она, освобождая руку, чтобы я могла пожать ее женщине с дредами и в оранжевом сарафане. – А вон там, на диване, лежит Соня.

Соня. Это имя ударило меня в живот, как молот. Еще до того, как я увидела ее, у меня пересохло во рту. Мое зрение расплылось по углам.

– Привет, Яна, – коротко сказала *та женщина*, сидящая рядом с храпящими на диване лабрадорами. Она заставила себя улыбнуться. – Я рада тебя видеть.

Глава 6

Клуб книголюбов

Был ли у меня более достойный способ встретиться с любовницей своего уже покойного отца? Если и был, то я его точно не нашла. Хорошо еще, я не брякнула, что мне нужно пописать, и не побежала обратно по коридору в поисках ванной, а спокойно ушла, прихватив вино и никому ничего не сказав!

Я открыла бутылку вина и вылила себе его в горло прямо там, в ванной комнате, оформленной в морском стиле. Я подумывала уйти совсем, но по какой-то причине это показалось мне крайне неловким вариантом. И все же мне пришлось в голову, что я могу сейчас выйти за дверь, сесть в машину и уехать в Огайо. И я больше не увижу никого из этих людей. Я могла бы устроиться на работу в стейкхаус «Пондероза». Жизнь может быть великолепной! А может, мне вообще остаться в этой ванной? У меня было вино, туалет, что еще нужно человеку?

Конечно, это не могло быть хорошим вариантом, и сила духа смогла вытащить меня из ванной. До меня по коридору доносились шум шагов, разговоры и голос Пит: «О, ты уверена, что не можешь остаться, Соня?» Хотя в ее тоне больше читалось: «Какого черта, Соня! Почему эта странная ма-

ленькая девочка боится тебя?» Я слышала, как Соня сказала: «Нет, я бы хотела, но совершенно забыла про этот рабочий звонок – мой босс не перестанет писать мне по электронной почте, пока я не сяду в машину и не включу свой блютуз».

– Блютуз-шмутуз, – проговорила Пит.

– Действительно, – сказала я в свою бутылку вина. «Шардоне» быстро подействовало на меня. Я мысленно прокручивала в голове весь свой день, вспоминая, как я ела, и пыталась понять, почему сразу же опьянела. Единственная еда, которую я смогла вспомнить, – горстка маленьких зефирок, которую я схватила на пути в ванную.

Входная дверь открылась. Они прощались под стук дождя по крыше, а я снова вернулась в ванную комнату и заперлась там. Потом поставила бутылку на раковину, посмотрела на себя в зеркало, яростно ткнула пальцем в маленькие карие глазки в своем отражении и прошептала:

– Это будет самый тяжелый вечер за все лето.

Конечно, это была ложь, но я сумела-таки обмануть саму себя. Я пригладила волосы, сбросила куртку, спрятала бутылку вина в сумку и вышла в коридор.

– Соне надо было уйти, – сказала Пит, но это прозвучало скорее как «Какого черта, Январия?».

– Да? – спросила я. – Ужасно жаль.

Прозвучало это больше как «Божже, храни все блютуз-шмутузы на свете».

– Действительно, – согласилась Пит.

Я последовала за ней обратно в гостиную, где лабрадоры расположились уже вместе с дамами. Одна из собак перебралась на дальний край дивана, Мэгги заняла освободившееся место, а вторая собака перебралась в кресло, устроившись поверх третьей. Лорен сидела на одном из зеленых стульев с высокой спинкой, и Пит жестом предложила мне сесть рядом с ней, а сама села на третий стул. Пит проверила время на часах.

— Будет здесь с минуты на минуту, — сказала она. — Должно быть, попал под ливень! Я уверена, что мы скоро сможем начать.

— Отлично, — ответила я.

Комната все еще немного кружилась. Я едва могла смотреть на диван, где видела Соню, гибкую и расслабленную с белыми собранными на голове кудрями, и воспользовалась возможностью покопаться в сумке (осторожно, чтобы не перевернуть вино) в поисках закладок. Кто-то постучал в дверь, и Пит вскочила. Мое сердце замерло при мысли, что Соня могла передумать и вернуться назад. Но тут в коридоре послышался негромкий голос, и Пит вернулась, ведя на буксире мокрого и взъерошенного Августа Эверетта. Он проводил рукой по волосам, стряхивая с них капли дождя. Гас выглядел так, словно только что скатился с кровати и шел сюда, попивая алкоголь из бумажного пакета. Не то чтобы я имела права его осуждать в данный момент.

— Девочки, — сказала Пит, — я полагаю, вы все знаете един-

ственного и неповторимого Августа Эверетта...

Гас кивнул и помахал рукой. Мне показалось, что он не улыбался совсем. Это слово едва ли могло описать то, что он делал. Я бы сказала, что его рот обежал комнату, а затем его глаза встретились с моими, и оба уголка его рта изогнулись вверх. Он кивнул мне и только мне.

Мой разум вращал слабые, скользкие от вина колеса, пытаясь понять, что же так сильно беспокоило меня в этот момент. Конечно, это был самодовольный Гас Эверетт. Он, та женщина и чертово вино в ванной. И...

И то, как по-разному представила нас Пит.

Это Январия – именно так родители заставляли одного воспитанника детского сада дружить с другим.

Единственный и неповторимый Август Эверетт – так Клуб книголюбов мог представить только своего особого гостя.

– Пожалуйста, пожалуйста. Садись здесь, рядом с Январией, – сказала кому-то Пит. – Не хотите ли чего-нибудь выпить?

Боже. Я все неправильно поняла. Я здесь не в качестве «звездного гостя». Я была здесь обычным зрителем, и мой «потолок» – член Клуба книголюбов. Я пришла сюда, где обсуждали, скорее всего, книгу «Откровение».

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? – снова спросила Пит, возвращаясь на кухню.

Гас оглядел синие пластиковые стаканчики в руках Лорен

и Мэгги.

– А что у тебя есть, Пит? – спросил он через плечо.

– О, первый раунд в Клубе книголюбов всегда за «белым русским», но Январия принесла немного вина, если это кому-то ближе.

Перспектива позорно выуживать из сумки вино для Гаса мне совсем не нравилась. Думать о том, чтобы начать вечер с водки, тоже не хотелось. Но по широкой ухмылке на лице Пит я поняла, что ничто другое не доставит ее гостю большего удовольствия.

Гас наклонился вперед, упершись локтями в бедра. Левый рукав его рубашки приподнялся, открывая тонкую черную татуировку на тыльной стороне руки – изогнутый, но замкнутый круг. Мне показалось, что это была «лента Мебиуса».

– «Белый русский» звучит здорово, – ответил Гас.

Конечно, так оно и было. Людям нравилось представлять себе своих любимых писателей-мужчин, сидящими за пишущей машинкой, тут же и аромат крепчайшего виски и неумная жажда знаний. Я бы не удивилась, если бы вдруг оказалось, что сидящий рядом со мной помятый мужчина, который высмеивал *мою* карьеру, носил грязное нижнее белье и питался бы сырными слоями из «Мейер».

Кого я обманываю, он мог бы появиться тут в образе драгдилера, и все равно его воспринимали бы более серьезно, чем меня в моем тесном платье от Майкл Корс.

Могло стать и так, что я получила бы авторские фотографии, сделанные старшим фоторедактором «Bloomberg Business Week», а он сделал бы дешевые селфи с помощью маминой цифровой камеры 2002 года выпуска. И все равно он получил бы больше уважения, чем я.

С таким же успехом он мог просто прислать фотографию себя в душе. Они бы напечатали ее на обложке прямо над той двухстрочной биографией, которую они для него написали. Меньше слов – больше изысканности, как говорила Аня.

Я ощутила на себе взгляд Гаса. Мне показалось, он понял, что в своем сознании я разрываю его на части, а Лорен и Мэгги почувствовали, что этот вечер станет ужасной ошибкой.

Пит вернулась с еще одной порцией водочно-молочного коктейля в синем бокале, и Гас поблагодарил ее за это. Я глубоко вздохнула, когда Пит опустилась в кресло.

Может ли эта ночь стать еще хуже?

Ближайший ко мне лабрадор громко пукнул.

– Ух ты! – сказала Пит, хлопнув в ладоши.

Какого черта. Я вытащила свою бутылку и сделала большой глоток. Мэгги захихикала на диване, а лабрадор перевернулся и спрятал морду между подушками.

– Красное вино, «белый русский» и синий Клуб книголюбов. И я просто умираю от желания узнать, что все думают о книге.

Мэгги и Лорен обменялись взглядами, сделав по глотку

из своих маленьких водочных рюмок. Мэгги поставила свою рюмку на стол и легонько хлопнула себя по бедру.

– Черт возьми, мне это нравится, – тихо сказала она то ли о водке, то ли о романе.

Смех Пит был грубым, но удивительно теплым:

– Тебе все по нраву, Мэгс.

– Вот уж нет! Мне не нравится этот человек – не главный шпион, а второй. Он слишком резок.

Шпионы? Неужели в «Откровениях» были какие-то шпионы? Я посмотрела на Гаса, который выглядел таким же озадаченным, как и я. Рот его был приоткрыт, а рука с бутылочкой «русской беленькой» прислонилась к левому бедру.

– Мне тоже он не понравился, – согласилась Лорен, – особенно сначала, но к концу он стал нормальным. Когда мы узнали предысторию о связях его матери с СССР, я стала понимать его.

– Очень мило, – согласилась Мэгги. – Ладно, беру свои слова обратно. В конце концов, он мне тоже вроде как понравился. Но мне по-прежнему не нравится, как он обошелся с агентом Майкельсоном. Я не могу оправдать его за это.

– Ну, конечно нет, – вмешалась в их разговор Пит.

– Полный женоненавистник, – подытожила Мэгги, махнув рукой.

Лорен кивнула:

– А как ты отнеслась к открытию близнецов?

– Честно говоря, мне повествование немного наскучило,

и я скажу тебе почему, – завершила Пит.

Она принялась рассказывать нам почему, но я едва поняла, потому что была очень увлечена наблюдением за тонкой гимнастикой, которую выполняло лицо Гаса. Едва ли они сейчас говорили о его книге. Он выглядел не столько испуганным, сколько ошеломленным, как будто решил, что кто-то подшутил над ним, но он еще не был достаточно уверен, чтобы объявить об этом во всеуслышание. Он уже осушил свой бокал и оглядывался на кухню, как будто надеялся, что здесь как по волшебству может появиться еще один.

– Кто-нибудь еще плакал, когда дочь Марка пела на похоронах «Благодать»?¹⁷ – спросила Лорен, схватившись за сердце. – Это меня пробрало. Честно, так оно и было. А ты ведь знаешь, что у меня сердце как камень! Дуг Ханке – просто феноменальный писатель.

Я оглядела комнату, посмотрела на шкаф, книжные полки у дальнего угла дивана, стопку журналов в журнальном столике.

Имена и названия выпрыгивали на меня из десятков, если не сотен книг в мягком переплете. «Операция Скайфорс», «Московская игра», «Под глубоким прикрытием», «Красный флаг», «Осло после наступления темноты».

Красное вино, «русская беленькая» и совершенно «си-

¹⁷ «О благодать», всемирно известный под своим английским названием «Amazing Grace» (*букв.* «Изумительная благодать») это христианский гимн, изданный в 1779 году.

ний» Клуб книголюбов.

Я, писатель-романтик Январия Эндрюс, и литературный вундеркинд Август Эверетт случайно попали в Клуб книголюбов, специализирующийся на шпионских романах. Мне потребовалось некоторое усилие, чтобы подавить смех, и даже тогда я не смогла сдержаться.

– Яна? – спросила Пит. – Все в порядке?

– Потрясающе. Думаю, я просто перебрала вина. Август, тебе лучше взять у меня это, – сказала я и протянул ему бутылку, и он сурово приподнял темную бровь. Мне показалось, что я совсем не улыбаюсь, но тем не менее мне удалось выглядеть победоносно, пока я ждала, когда он возьмет начатую бутылку «Шардоне».

– Я еще немного подумала об этом, – беззаботно продолжила Мэгги, – и считаю, что мне действительно понравился «Твист близнецов».

Где-то снова пукнул лабрадор.

Глава 7

Прогулка

– Большое спасибо, что пригласили нас, Пит, – сказала я, обнимая ее в фойе.

Она похлопала меня по спине.

– В любое время. Особенно в любой понедельник! Черт возьми, да каждый понедельник. Нам не мешает свежая кровь. Ты же видишь, какой тут застой. Мэгги подшучивает надо мной, но она не очень-то любит читать беллетристику. Я думаю, что Лорен приходит сюда пообщаться. Она тоже типичная жена преподавателя, как и я.

– Жена преподавателя? – удивилась я.

Пит согласно кивнула.

– Мэгги работает в университете с мужем Лорен, – быстро ответила она, а потом спросила: – Как ты доберешься домой, дорогая?

Я не чувствовала сильного опьянения, но знала, что не должна рисковать за рулем в любом случае.

– Я отвезу ее, – сказал Гас, как всегда суровый и невозмутимый.

– Я на такси, – сказала я.

– Такси? – переспросила Пит. – Только не в этом Медвеьем углу! Конечно, у нас есть службы такси, но сомневаюсь,

что они будут разъезжать по округу после десяти часов.

Я сделала вид, что смотрю на свой телефон:

– Вообще-то такси здесь, так что мне пора. Еще раз спасибо, Пит. Действительно, так все было... очень интересно.

Она похлопала меня по руке, и я выскользнула под дождь, открыв приложение *Uber*. Под дождем я слышала, как Гас и Пит тихо прощаются на крыльце позади меня, а потом дверь захлопнулась, и я поняла, что мы с ним в саду одни. Поэтому я очень быстро пошла через ворота и вдоль забора, глядя на пустую карту в моем приложении. По пути закрыла приложение и снова открыла его.

– Дай угадаю, – протянул Гас. – Все в точности так, как говорит человек, который действительно живет здесь. Тут нет никаких такси.

– Через четыре минуты, – солгала я.

Он уставился на меня, а я натянула капюшон и отвернулась.

– В чем дело? – спросил он. – Ты боишься, что, сев в мою машину, ты свалишься в пучину разврата и начнешь участвовать в той возне с желе?

Я сложила руки на груди:

– Я тебя не знаю.

– А водителя такси в этом Медвежьем углу ты знаешь?

Я ничего не ответила, и через мгновение Гас забрался в свою машину. Ее двигатель заурчал, но она не тронулась с места. Я занялась телефоном. Почему он не уезжает? Я изо

всех сил старалась не смотреть на его машину, хотя с каждым мгновением, пока я стояла под холодным дождем, она выглядела все привлекательнее.

Я снова проверила приложение. По-прежнему ничего.

Пассажирское окно опустилось, и Гас перегнулся через сиденье, неловко наклонив голову, чтобы увидеть меня.

– Январия, – вздохнул он.

– Август, – ответила я.

– Прошло уже четыре минуты. Никакого такси не будет. Не могла бы ты сесть в машину?

– Я пойду пешком.

– Но почему?

– Потому что мне нужно тренироваться, – ответила я.

– Не говоря уже о воспалении легких...

– На улице восемнадцать градусов, – возразила я.

– Да ты уже дрожишь!

– Может быть, я дрожу от предвкушения волнующей прогулки домой.

– А может быть, это от того, что температура тела резко падает? Давление и частота сердечных сокращений падают? Температура кожи снижается?

– Ты что, шутишь?!

Мое сердце просто бешено колотилось. Я только что присутствовала на трехчасовом заседании Клуба книголюбов, посвященном шпионским романам, и мне нужно было немного сбавить адреналин. Я пошла по тротуару.

– Не туда! – крикнул Гас.

Я развернулась на каблуках и пошла в другую сторону, пройдя мимо машины Гаса. Его рот искривился в тусклом свете от приборной панели.

– Ты же понимаешь, что мы живем в семи милях отсюда. В твоём нынешнем темпе это означает, что ты придешь примерно... никогда. Ты заночуешь где-нибудь в кустах и, вполне возможно, проведешь там остаток своей жизни.

– Это как раз то время, которое мне понадобится, чтобы протрезветь, – ответила я.

Гас медленно поехал по дороге рядом со мной.

– Кроме того, я не могу рисковать, просыпаясь завтра с очередным похмельем. Мне лучше пойти пешком, – добавила я.

– Да, но я беспокоюсь, что будет и то, и другое. Давай я отвезу тебя домой.

– Я засну навеселе. Это не очень хорошо, голова будет болеть.

– Ладно, тогда я не повезу тебя домой, пока ты не протрезвеешь. Я знаю лучший способ протрезветь в этом Медвежьем углу.

Я остановилась и посмотрела в глубину его машины. Он тоже остановился, выжидая.

– Просто чтобы внести ясность, – уточнила я, – ты ведь говоришь не о сексе, не так ли?

Его улыбка исказилась:

– Нет, Январия, я говорю не о сексе.

– И правильно. Тебе лучше такого не делать, – сказала я, открывая пассажирскую дверь и проскальзывая на сиденье. Там я сразу прижала пальцы к таким теплым вентиляционным отверстиям. – Потому что в этой сумке я ношу перцовый баллончик... и пистолет.

– Какого хрена?! – воскликнул он, останавливая машину. – Ты пьяна и у тебя в сумке пистолет?

Я пристегнула ремень безопасности:

– Это была шутка. Но только про оружие, желание убить тебя, если ты попытаешься что-то сделать, есть. Я серьезно.

Его смех был скорее от шока, чем от удивления. Даже в темноте машины я видела, что его глаза широко раскрыты, а кривые губы напряжены. Он покачал головой, тыльной стороной ладони вытер капли дождя со лба и снова завел машину.

* * *

– И в этом весь фокус? – спросила я, когда мы въехали на стоянку. Дождь заметно ослабел, но лужи в трещинах асфальта светились отражением неоновой вывески над низким прямоугольным зданием.

Фокус в том, чтобы протрезветь... это пончики. «Пончики» – именно так гласила эта странная табличка. Судя по всему, это была закусочная.

– А чего ты ожидала? – спросил Гас. – Я что, должен был свалиться с обрыва или нанять кого-нибудь, чтобы тебя по-

хитили? Или подожди, может, ты говорила про секс в саркастическом ключе? Может, ты хотела, чтобы я соблазнил тебя?

– Нет, просто я хочу сказать, что в следующий раз, когда ты будешь уговаривать меня сесть в твою машину, ты сэкономишь кучу времени, если сразу перейдешь к пончикам.

– Надеюсь, мне не придется часто уговаривать тебя садиться в мою машину, – заявил Гас.

– Это будет не очень часто, – ответила я. – Только по понедельникам.

Он выдавил из себя еще одну улыбку – слабую, как будто не хотел ее показывать. Это мгновенно заставило меня почувствовать, что в машине совсем нет места. Гас показался мне слишком близко, и я отвела взгляд. Когда я вышла из машины, у меня в голове сразу прояснилось. Странное здание светилось, как ловушка для насекомых, его пустые оранжевые «кабинеты» в стиле семидесятых годов были видны через окна вместе с аквариумом, в которых плавали парчовые карпы.

– Знаешь, тебе стоит подумать о том, что ты можешь быть такси, – сказала я.

– А?

– Да, у тебя хорошо работает печка. Держу пари, что и кондиционер у тебя неплохой. От тебя не пахнет дезодорантом типа Ахе, и ты не сказал мне ни слова. Пять звезд, нет, шесть звезд. Лучше, чем любое такси, на которых я ездила.

– Хм, – только и ответил Гас, распахивая передо мной грязную дверь, и над головой зазвенели колокольчики. – Может быть, в следующий раз, когда ты сядешь в такси, тебе стоит объявить, что у тебя заряженный пистолет? Тогда ты получишь наилучшее обслуживание.

– Действительно.

– А теперь не пугайся, – сказал он себе под нос, когда я прошла мимо него.

– Чего? – спросила я, оборачиваясь.

– Привет! – громко позвал чей-то голос, перекрикивая песню Би Джис, разносившуюся по всему залу.

Я повернулась лицом к человеку, стоящему за освещенным прилавком. Размещавшееся там радио производило не столько музыку, сколько помехи.

– Привет, – ответила я.

– Привет, – повторил мужчина и активно кивнул. Возраст он был, по меньшей мере, как мои родители, и его проволочные толстые очки были прижаты к лицу неоновой-желтой лентой.

– Привет, – снова произнесла я. Мой мозг застрял в хомячьем колесе мыслей, снова и снова повторяя одно и то же: «Этот пожилой джентльмен в нижнем белье!»

– Ну, привет! – чирикнул он, явно решив не проигрывать в этой игре. Он оперся локтями о крышку прилавка. Его нижнее белье, к счастью, включало в себя белую футболку и очень милосердно с его стороны выбранные белые боксеры,

а не обычные трусы.

– Привет, – сказала я в последний раз.

Гас протиснулся между мной и прилавком:

– Мы можем просто повторить дюжину вчерашних?

– Не вопрос!

Бармен в нижнем белье прошелся через весь бар и вытащил из целой стопы коробку с готовыми пончиками. Он отнес коробку к старомодной кассе и выстукал пару цифр на ленте.

– Ровно пять долларов, дружище.

– А кофе? – спросил Гас.

– Я не могу с чистой совестью взять с тебя за это, – причина мотнул головой в сторону графина. – Он налит там уже добрых три часа. Хочешь, я сделаю тебе что-нибудь новенькое?

Гас многозначительно посмотрел на меня.

– Что? – спросила я.

– Это для тебя. А как ты хочешь, бесплатно и плохой или доллар и...

Он не мог заставить себя сказать слово «хороший», и это подсказало мне все, что мне нужно было знать.

Непонятная «субстанция», побулькивая, ожидала нас.

– То, что бесплатно, – сказала я.

– Значит, ровно пять, как и договаривались, – ответил бармен.

Я потянулась за бумажником, но Гас остановил меня, бро-

сив на стойку пять долларовых купюр. Он наклонил голову, жестом приглашая меня угоститься содержимым чашки с шапкой пены и пончиками, коробку с которыми держал бармен. Чтобы вместить двенадцать пончиков в эту коробку, их пришлось буквально вжимать друг в друга. Схватив странное месиво из жареного теста, я плюхнулась на стул. Гас сел напротив меня и перегнулся через стол. Он уставился на распотрошенные пончики.

– Боже, они выглядят отвратительно.

– Наконец-то, – сказала я. – Хотя в чем-то мы сходимся.

– Держу пари, мы сходимся во многом, – вздохнул Гас, вытаскивая помятый пончик с орехом и кленовым сиропом и откидываясь на спинку стула. Он скептически рассматривал пончик в свете флуоресцентной лампы.

– Например?

– Во всем, самом важном, – ответил Гас. – В суждениях о химическом составе атмосферы Земли, о том, нужны ли миру шесть фильмов о пиратах Карибского моря, в том, что «белый русский» нужно пить только тогда, когда вы уже уверены, что вас все равно вырвет.

Тут он закончил говорить и стал пытаться расправиться с пончиком. Наконец ему удалось засунуть его в рот целиком. Затем без тени иронии он победоносно посмотрел мне в глаза, и я расхохоталась.

– Фто? – спросил он с набитым ртом.

Я отрицательно покачала головой.

– Можно тебя кое о чем спросить? – проговорила я.

Гас прожевал пончик и кивнул мне:

– Нет, Яна, я не собираюсь говорить этому парню, чтобы он выключил музыку.

Он протянул руку и выхватил из коробки еще один пончик:

– А теперь у меня к тебе вопрос, Яна Эндрюс. Почему ты переехала сюда?

Я закатила глаза и проигнорировала его вопрос:

– Если бы я хотела попросить тебя побудить того парня внести одно небольшое изменение в его деловую практику, это определенно была бы не громкость радио.

Гас широко улыбнулся, и в этот миг мой желудок предательски перевернулся. Я не была уверена, что видела его улыбку такой раньше. В этом было что-то опьяняющее. Его темные глаза метнулись к стойке, и я проследила за его взглядом. Одетый в нижнее белье мужчина буквально носился взад-вперед между своими кофемашинами. Глаза Гаса вернулись ко мне:

– Так ты расскажешь мне, почему переехала сюда?

Я сунула в рот кусок пончика и покачала головой.

Он слегка пожал плечами:

– Тогда я не могу ответить на твой вопрос.

– Переговоры так не ведутся, – сказала я ему. – Это вовсе неравные сделки.

– Именно так они и ведутся, – возразил он. – По крайней

мере, пока ты хочешь остаться в стороне от интима.

Я смутилась и закрыла лицо руками, вспоминая тот неосторожный разговор с Шади.

– Кстати, ты был тогда очень груб со мной, – сказала я.

С минуту он молчал. Я вздрогнула, когда его грубые пальцы схватили меня за запястья и оторвали руки от моего лица. Его дразнящая улыбка поблекла, лоб сморщился, а взгляд стал мрачным и серьезным.

– Я знаю. Извини. У меня был тогда плохой день.

Мой желудок снова перевернулся где-то внутри. Я совсем не ожидала извинений. Просто даже никогда и не получала извинений от людей, которые счастливо проводят время.

– Вы устраивали шумную вечеринку, – сказала я, приходя в себя. – Мне бы хотелось посмотреть, как выглядит хороший день для тебя.

Уголок его рта неуверенно дернулся.

– В нем точно не было бы вечеринки. В любом случае, надеюсь, что ты простишь меня. Мне уже говорили, что я всегда произвожу ужасное первое впечатление.

Я скрестила руки на груди и, ободренная вином и его извинениями, возразила:

– Это было не первое мое впечатление.

Что-то непроницаемое промелькнуло на его лице и исчезло прежде, чем я успела это заметить.

– О чем ты хотела меня спросить? – поинтересовался он. – Если я отвечу, ты простишь меня?

– Прощение уже не работает, – возразила я, а когда он начал тереть лоб, я согласилась: – Ну, хорошо.

– Тогда давай вопрос, – решительно заявил он.

Я перегнулась через стол:

– Ты думал, что они занимаются твоей книгой, не так ли?

Его брови сошлись на переносице:

– Они?

– Те, что обсуждают всякие там шпионские страсти, – напомнила я.

Он притворился ошеломленным:

– Может быть, ты имеешь в виду красно-белые напитки и совершенно синий Клуб книголюбов? Так, кажется, ты отзывалась об этом заседании, хотя такие заседания в книжных клубах не редкость?

Я почувствовала, как улыбка расплылась по моему лицу, и удовлетворенно откинулась на спинку стула:

– Ведь так? Ты думал, что они будут обсуждать твои «Откровения»?

– Во-первых, – сказал Гас, – я живу здесь уже пять лет, и Пит никогда не приглашала меня в этот клуб. Так что да, в тот момент это показалось мне вполне разумным предположением. Во-вторых, – он схватил из коробки глазированный пончик, – тебе следует быть осторожнее, Январия Эндрюс. Ты только что показала, что знаешь название моей книги. Кто знает, какие еще секреты вот-вот выплеснутся из тебя?

– Откуда ты знаешь, что я просто не погуглила его? – воз-

разила я. – Может быть, я никогда не слышала об этом раньше.

– Откуда ты знаешь, что твой случайный поиск в Гугле не доставит мне еще большего удовольствия? – ответил Гас.

– А может, я гуглила тебя, подозревая, что у тебя есть криминальное прошлое?

– А что, если я буду отвечать вопросами на твои вопросы до скончания века?

– Откуда ты знаешь, что меня это волнует?

Гас с улыбкой покачал головой и откусил еще кусочек.

– Ух ты, какой кошмар!

– Пончики или этот разговор? – спросила я.

– Этот разговор, конечно. Пончики очень вкусные. Кстати, и я тебя погуглил. Тебе следует подумать о том, чтобы взять еще более редкое имя.

– Я подумаю, но ничего не могу обещать, – сказала я. – Там полно всякой бюрократической волокиты и прочего ма-разма.

– «Южный комфорт» звучит довольно сексуально. Тебе нравятся южные парни? Они заводят тебя?

Я закатила глаза:

– Я склонна думать, что ты никогда не был на юге и, возможно, не смог бы найти юг даже по компасу. Кроме того, почему ты думаешь, что все стараются сделать женскую прозу полуавтобиографической? Обычно романисты предполагают, что их читает одинокий белый мужчина, а чаще жен-

щина...

– Сексуально озабоченный, – вставил Гас.

– Как ты? – не растерялась я.

Он задумчиво кивнул, не сводя с меня темных глаз.

– Лучший за этот вечер вопрос, – произнес он. – Ты серьезно полагаешь, что я сексуально озабоченный?

– Определенно.

Мой безапелляционный ответ, казалось, позабавил его, и он скривил и без того кривые губы. Я выглянула в окно.

– Если Пит не планировала использовать в обсуждении ни одну из наших книг, то как же она забыла сказать нам, что сейчас читают в этом клубе? Я имею в виду, если бы она хотела, чтобы мы просто присоединились, то могла бы дать нам шанс действительно прочитать обсуждаемые книги.

– Это не было случайной забывчивостью, – сказал Гас. – Это была преднамеренная манипуляция. Она знала, что я ни за что не пришел бы сегодня, если бы знал, что там будет на самом деле.

Я фыркнула:

– И какова же была конечная цель этого гнусного плана? Стать эксцентричным второстепенным персонажем в очередном романе Августа Эверетта?

– Что именно ты имеешь против моих книг, которые ты якобы даже не читала? – спросил он.

– А что ты имеешь против моих книг, – сказала я, – которые ты, конечно, не читал?

– Почему ты так в этом уверена?

– Твои отсылки к пиратам и оборотням намекали.

Я покопалась в клубничной глазури и продолжила:

– Я не пишу подобное. На самом деле мои книги даже не стоят на полках с любовными романами. Они расцениваются скорее как женская литература.

Гас откинулся назад, почти проминая ткань кабинки, вытянул свои худые руки над головой и повертел запястьями, которые тут же отчетливо хрустнули.

– Я не понимаю, зачем нужен целый жанр, который будут читать только женщины.

Я усмехнулась. Вот он, этот гнев, который держат всегда наготове. Гас как будто ждал от меня каких-то оправданий.

– Да, нужен, но ты не единственный, кто этого не понимает, – сказала я. – Я знаю, как рассказать историю, Гас, как связать предложения и увязать их в текст. Если ты просто поменяешь всех моих Джессик на своих Джонсов, то знаешь, что ты получишь? Вымысел. Просто выдумку, которую прочитает с удовольствием кто угодно. Но, будучи женщиной, которая пишет о женщинах, я действительно исключила половину населения Земли из своих потенциальных читателей. И знаешь, я не стыжусь этого. Я просто злюсь, что такие люди, как ты, будут считать, что мои книги не стоят вашего времени. В то время как вы с подобным материалом могли бы выступать в прямом эфире, и «Нью-Йорк Таймс» хвалила бы ваши смелые проявления человечности.

Гас серьезно смотрел на меня, склонив голову набок, а между его бровями пролегла жесткая линия.

– Теперь ты можешь отвезти меня домой? – спросила я. – Я чувствую себя хорошо и совсем протрезвела.

Глава 8

Пари

Гас выскользнул из кабинки, и я последовала за ним, забирая с собой коробку пончиков и пластиковый стаканчик с остатками дрянного кофе. Дождь прекратился, но теперь густой туман клочьями висел над дорогой. Не говоря больше ни слова, мы сели в машину и поехали прочь от «Пончиков». Это слово еще долго светилось бирюзовым светом в зеркале заднего вида.

– Это счастливый конец, – неожиданно сказал Гас, выезжая на главную дорогу.

– Что? – спросила я, и мой желудок сжался. *И жили они долго и счастливо. Снова,* – подсказала мне память.

Гас откашлялся:

– Дело не в том, что я не воспринимаю всерьез дамский роман как жанр. Мне даже нравится читать о женщинах. Но у меня есть трудности с написанием... счастливых концов.

Его глаза настороженно блеснули в мою сторону, а затем вернулись к дороге.

– Трудности? – повторила я, как будто это могло придать смысл моим словам. – Тебе, наверное, нелегко даже читать хеппи-энды?

Он потер изгиб своего бицепса – нервный жест, которого

в годы учебы я не помнила.

– Наверное.

– Но почему? – спросила я, больше смущенная, чем обиженная.

– Жизнь это череда хороших и плохих моментов вплоть до самого момента смерти, – произнес он тихо. – Что, возможно, уже плохо, и любовь этого не изменит. У меня трудности в том, чтобы преодолеть мое неверие. Кроме того, ты можешь вспомнить хоть один роман, который бы в реальной жизни закончился так же, как этот чертов «Дневник Бриджит Джонс»?

Вот он, тот самый Гас Эверетт, которого я знала. Тот, кто считал меня безнадежно наивной. И даже если бы у меня были какие-то доказательства его правоты, я не хотела позволить ему уничтожить то, что когда-то значило для меня больше, чем все вместе взятое. А именно сам жанр, который держал меня на плаву, когда у мамы случился рецидив болезни и все наше воображаемое будущее исчезло, как дым на ветру.

– Во-первых, – сказала я, – чертов «Дневник Бриджит Джонс» – это непрерывный сериал с кучей событий. Это самый худший пример, который только можно выбрать, чтобы доказать свою точку зрения о несерьезности жанра. Этот роман, по сути, антитеза принятому сейчас и чрезмерно упрощенному, то есть не соответствующему сложности жизни, стереотипу жанра. Но там все именно так, как я хочу, чтобы

было в моих романах. Этот дневник заставляет читательниц чувствовать себя понятыми. Эти истории для них узнаваемы, ведь это почти их собственные истории. Женские истории тоже имеют право на существование. А во-вторых, ты это честно говоришь, что не веришь в любовь?

Я чувствовала легкое отчаяние. Как будто, если я позволю ему выиграть эту битву, это станет для меня последней каплей, и я не смогу вернуться к себе, к своей вере в любовь и видеть мир и людей в нем чистыми и прекрасными, как прежде. Не смогу вернуться к своему творчеству.

Гас нахмурился, его темные глаза метнулись от меня к дороге с тем пристальным, поглощающим вниманием, которое мы с Шади так долго пытались выразить словами и не смогли.

– Конечно, любовь в жизни случается, – сказал он наконец. – Но лучше быть реалистом, чтобы ничто другое не летело тебе в лицо. А если любовь и прилетит к тебе, то она принесет вечное счастье. В жизни если тебе не причиняют боль, то ты сам причиняешь боль кому-то другому.

– Вступать в отношения – это где-то на грани с садомазохизмом, – продолжил он. – Особенно когда вы можете получить все, что хотели бы от романтических отношений и от дружбы, не разрушая ничьи жизни.

– Получить все? – спросила я. – И секс?

Он выгнул бровь:

– Тебе не нужна даже дружба, чтобы заняться сексом.

– И что, это никогда не оборачивалось для тебя чем-то большим? Как ты можешь быть таким отстраненным?

– Если ты реалистка, – объяснил он, – то тебе нужна стратегия. Это не превращается в нечто большее, если происходит только один раз.

Ух, ты! «Срок хранения», который в колледже составлял четыре недели, сократился до одного раза!

– Видишь? – сказала я. – Ты просто похотливый маньяк, Гас.

Он искоса взглянул на меня и улыбнулся.

– Что?

– Ты уже второй раз сегодня называешь меня Гасом.

Мои щеки вспыхнули. Да, обращение «Эверетт», кажется, было моим предпочтительным за эти дни.

– Ну и что?

– Ну же, Яна.

Его взгляд вернулся к дороге, где два копы фар тянулись над асфальтом и ловили в свой конус проносящиеся мимо вечнозеленые деревья.

– Я помню тебя, – сказал он, и его взгляд снова остановился на мне. Его взгляд был почти таким же твердым и тяжелым, как прежде.

Я была благодарна темноте, когда жар ударил мне в лицо.

– Откуда?

– Это было не так уж давно. Всего один вечер...

Боже. Мы ведь договорились тогда никогда не говорить об

этом, не так ли? Это был единственный вечер, когда мы разговаривали вне класса. Ну, как разговаривали? Мы пересеклись на одной вечеринке студенческого братства. Тема вечера была очень расплывчатой: «Классика».

Гас и его друг Паркер пришли в костюмах Пони-боя и Джонни и провели ночь так «мощно», что объемами их выпивки были впечатлены даже подвыпившие парни из братства. Мы с Шади пришли в образах автостопщиц Тельмы (она) и Луизы (я).

Девушка Гаса, Тесса, уехала домой на выходные. Мы с ней жили почти в соседних студенческих комнатах и часто посещали одни и те же вечеринки. Она являлась последней по значимости причиной, по которой пересекались наши с Гасом пути, но в ту ночь оказалось все по-другому.

Это было начало учебного года, самое начало осени. Мы с Шади тогда часто ходили на дискотеку в подвале, и всю ночь я наблюдала за Гасом, немного злясь, потому что его последний рассказ был таким хорошим. Он все еще казался мне до смешного привлекательным, и его критика в мой адрес все еще звучала слишком часто. Я устала от того, что он постоянно просил у меня ручки, и, кроме того, он поймал меня на том, что я смотрю на него. Я теперь чувствовала, что он тоже наблюдает за мной.

Я чувствовала это везде. В импровизированном баре в соседней комнате. Наверху за столом для пивного понга¹⁸. На

¹⁸ * *Пиво-понг* – алкогольная игра, в которой игроки бросают мячик для на-

кухне у бочонка. А потом он стоял неподвижно в толпе желающих попрыгать под «Sandstorm»¹⁹ группы всего в нескольких ярдах от меня, и мы оба смотрели друг на друга. Почему-то я чувствовала особую уверенность, что он все это время видел во мне своего конкурента.

Я не помню, подошла ли я к нему первой или это он подошел ко мне. А может быть, мы встретились посередине. Все, что я запомнила, это то, что мы закончили танцевать в обнимку друг с другом. От воспоминаний о той ночи у меня до сих пор кружилась голова. Его руки лежали на моих бедрах, мои руки – на его шее, а его лицо плавало чуть ниже моих глаз. Холодный, бесчувственный ворчун? Нет, Гас Эверетт был весь в горячем дыхании и в искрящихся прикосновениях.

Соперничество это или нет, но было заметно, как сильно мы хотели друг друга в ту ночь. Мы оба были готовы принять самое плохое решение.

А потом Шади спасла положение. Она остригла свою голову в ванной ножницами, которые нашла под раковиной, и нас обоих выгнали и запретили на всю жизнь посещать вечеринки этого братства. Хотя мы и не пытались вернуться туда в последние несколько лет, я подозревала, что у братства довольно короткая память. Не дольше срока обучения,

стольного тенниса (пинг-понга) через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола.

¹⁹ Композиция группы Darude.

т. е. максимум четыре года. Очевидно, у меня была гораздо более длинная память.

– Яна?

Я подняла глаза и вздрогнула от того, что темный взгляд, который я только что вспоминала, теперь здесь, в машине рядом со мной. Я совершенно забыла о его крошечном белом шраме справа, словно от стрелы Купидона, и теперь удивлялась, как мне это удалось.

Я прочистила горло:

– Ты сказал Пит, что мы только вчера познакомились.

– Я только сказал ей, что мы соседи, – допустил Гас.

Он снова уставился на дорогу. Потом снова на меня. То, как он смотрел на меня, было похоже на настоящую атаку, хотя смотрел он считанные секунды. Его губы дрогнули.

– Я не был уверен, что ты меня помнишь, – вздохнул он.

Что-то в этом признании заставило мои внутренности болезненно сжаться.

– Но никто не называет меня Гасом, кроме тех, кого я знал до начала публичной жизни.

– Почему? – спросила я.

– Потому что мне не хотелось бы, чтобы каждый, кто был моим соседом, имел возможность гуглить меня и оставлять мне едкие отзывы, – сказал он. – Или просить у меня бесплатные книги.

– О, мне не нужны бесплатные книги, – заверила я его.

– Неужели? – поддразнил он. – Ты не хочешь добавить

пятый уровень к своему святилищу имени меня?

– Давай ты не будешь меня отвлекать, – сказала я. – Я еще не закончила этот разговор.

– Черт. Я, честно говоря, не хотел тебя обижать, – пообещал он. – Давай снова.

– Ты меня не обидел, – неуверенно ответила я. Хотя подумала, что может быть, и обидел, но его извинения снова застали меня врасплох. Более того, я была совершенно сбита с толку и добавила: – Я просто думаю, что ты ведешь себя глупо.

В итоге мы добрались до наших домов так быстро, что я даже не заметила, как Гас припарковался у тротуара и повернулся ко мне. Во второй раз я почувствовала, как мала его машина, как близко мы сидим, и темнота, казалось, только увеличивала силу его взгляда, когда он смотрел на меня.

– Яна, зачем ты здесь?

Я засмеялась, чувствуя себя неловко:

– Я в твоей машине, потому что ты умолял меня сесть.

Он разочарованно покачал головой:

– Теперь ты другая.

Я почувствовала, как кровь прилила к моим щекам:

– Ты хочешь сказать, что я больше не сказочная принцесса?

На его лице отразилось замешательство.

– Так ты меня когда-то называл, – пояснила я. – Ты хочешь, чтобы я признала, что ты прав. Как будто меня разбу-

дили, и все в жизни не так, как в моих книгах, верно?

Его голова наклонилась, мускулы на челюсти перекатились.

– Я не это имел в виду, – сказал он.

– Нет, это именно то, о чем ты говорил.

Он снова покачал головой.

– Ну, не совсем то, что я имел в виду. Я хотел сказать... Ты всегда была такой... – Он фыркнул. – Я даже не знаю, ты пьешь вино, тайком доставая его из своей сумки. Полагаю, для этого есть причина.

Мои губы сжались, и внутри все перевернулось. Гас Эверетт был, наверное, последним человеком, перед которым мне хотелось бы предстать в таком свете.

Я посмотрела в окно машины на свой пляжный домик, как будто это был светящийся красный знак аварийного выхода, единственное спасение от этого разговора. Я слышала, как волны разбиваются о берег позади домов, но туман висел слишком густой, чтобы можно было что-нибудь там разглядеть.

– Я не прошу тебя рассказывать мне, – сказал Гас через секунду. – Я просто... не знаю. Странно видеть тебя в таком состоянии.

Я повернулась и подобрала под себя ноги, прямо на сиденье, изучая Гаса. Я искала на его лице иронию, но оно было серьезным, а темные глаза сузились, брови нахмурились, голова слегка наклонилась. Мне даже показалось, что я нахо-

жусь под микроскопом. Сексуальный, злобный взгляд, который подсказывал, что он читает мои мысли.

– Мне не пишется, – призналась я.

Я не была уверена, почему призналась в этом. Меньше всего хотелось признаваться в этом Гасу, но лучше ему, чем Ане или прямо в издательстве «Сэнди».

– У меня нет денег, и мой редактор отчаянно хочет купить у меня хоть что-нибудь, а все, что у меня есть, это несколько плохих страниц и три месяца, чтобы закончить книгу, на которую, между прочим, кто-то будет тратить доллары США. Вот что происходит!

Я временно отбросила мысли о своих пострадавших отношениях с мамой и разговоре, который мы вели после похорон отца. Решила сейчас сосредоточиться на меньшем зле.

– Я уже писала раньше, – сами собой вырвались у меня слова. – Четыре книги, без проблем! А теперь... Это очень неприятно, когда чувствуешь себя неспособной делать то единственное, в чем ты хороша. Ведь когда пишу, я чувствую, что живу. И это в придачу к тому, что у меня совсем нет денег.

Гас задумчиво кивнул:

– Всегда труднее писать, когда приходится это делать. Это похоже на то, что давление разных факторов превращает написание книг в такую же работу, как и все остальное, и ты с таким же успехом можешь идти работать страховым агентом. История внезапно теряет всякую срочность, а потом и

потребность быть рассказанной.

– Совершенно верно, – согласилась я.

– Но ты все сама поймешь, – холодно сказал он через секунду. – Уверен, что в твоей памяти плавают миллионы историй в стиле «И жили они долго и счастливо».

– Во-первых, таких историй у меня в запасе как раз нет, – возразила я. – Во-вторых, это не так просто, как ты думаешь, Гас. Хеппи-энд не имеет значения, если ты пришел к нему корявым путем.

Я прислонилась головой к окну машины:

– Честно говоря, в данный момент мне было бы проще упаковать свое творчество в облик оптимистичной женской фантастики и уж совсем оторваться от правды жизни. По крайней мере, это дало бы мне повод описать груди каким-то ужасающим новым способом. Как луковичные суккуленты из плоти и сухожилий. В моих книгах пока еще ничего не было о луковичных суккулентах из плоти.

Гас прислонился спиной к водительской дверце и рассмеялся, отчего я почувствовала себя одновременно виноватой (из-за того, что поддразнила его) и до смешного победоносной (из-за того, что снова заставила его смеяться). В колледже мы почти не видели, чтобы он улыбался. Очевидно, не только мне довелось за это время измениться.

– Ты никогда не сможешь так писать, – сказал он. – Это не в твоём стиле.

Мои руки буквально сами скрестились на груди:

– Ты думаешь, я не способна?

Гас закатил глаза:

– Я просто говорю, что это не то, что отразило бы твою сущность.

– Но я уже не та, кем была. Как ты сам заметил, я теперь другая.

– Ты можешь добиться какого-то успеха, – сказал он, и мне снова почувствовалось неприятное покалывание от того, что он, казалось, просвечивал меня рентгеном. Наверное, это были искры старого соревновательного пламени, которое Гас всегда хотел зажечь во мне. – Но держу пари, что ты с не меньшей вероятностью выдумаешь что-нибудь мрачное и унылое, как и я сам в стиле «Когда Гарри встретил Салли»²⁰.

– Я могу писать все, что захочу, – возразила я. – Хотя понимаю, как трудно писать про долгую счастливую жизнь тому, чье семейное счастье обычно ограничивается сексом на одну ночь.

Глаза Гаса потемнели, а губы растянулись в неровной улыбке:

– Ты бросаешь мне вызов, Эндрюс?

– Просто хочу сказать, – парировала я, – что такое тебе будет не по нутру.

Гас почесал подбородок, его взгляд затуманился. Он погружился в раздумья. Потом его рука опустилась на руль, и

²⁰ «Когда Гарри встретил Салли» (*When Harry Met Sally...*) – американская романтическая комедия.

он резко перевел взгляд на меня.

– Ладно, – сказал он. – У меня есть предложение.

– Седьмой фильм «Пираты Карибского моря»? – спросила я. – Это так безумно, что может сработать!

– Вообще-то, – ответил Гас, – мне подумалось о том, что мы могли бы заключить сделку.

– Что за сделка, Август?

Он заметно вздрогнул при звуке своего полного имени и протянул мне руку через весь салон. Искра предвкушения от такой загадочности пронзила меня, но он всего лишь открыл коробку, стоявшую у меня на коленях, и схватил еще один пончик. Последний кокосовый.

Он откусил кусочек:

– Ты попробуй написать что-нибудь мрачное и посмотри. – Мои глаза закатились, а рука выхватила у него последний кусочек кокосового пончика. – А я напишу в твоём стиле «И жили они долго и счастливо», – невозмутимо продолжил он.

Мои глаза метнулись к нему. Теперь сквозь начавший расходиться туман уже пробивались лучи фонаря на крыльце, ложась на окно машины и немного сзади на его лицо, так что лоб был в тени.

– Ты шутишь?!

– Вовсе нет, – сказал он. – Ты не единственная, кто попал колею и не может выбраться. Мне бы тоже не помешал перерыв от моих занятий...

– Это потому, что написать роман тебе будет легче. По сути, будет подарок для тебя, – поддразнила я.

– А ты можешь заглянуть на темную сторону своего кругозора и посмотреть, как тебе такое. Вдруг это новая Январия Эндрюс. И тот, кто первым продаст свою книгу, можно под псевдонимом, выигрывает.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла произнести ни слова. Закрыв рот, попробовала просто молча сформулировать мысль.

– Что выигрывает? – наконец произнесла я.

Брови Гаса поползли вверх:

– Ну, во-первых, если ты первая продашь книгу, то сможешь оплачивать счета и держать в сумке вино. Во-вторых... – Гас на мгновение задумался, – проигравший будет продвигать в печать книгу победителя, писать слова одобрения на обложке и всячески рекомендовать ее в интервью. Он будет выбирать ее, когда ему предложат выбрать тему для заседания Клуба книголюбов. Словом, все, чтобы книга продавалась. И в-третьих, если ты выиграешь, то сможешь вечно тыкать мне этим в лицо, что, как мне кажется, ты считаешь почти бесценным.

Мне бы никакими силами не удалось скрыть улыбку, расцветшую на моем лице.

– Это точно, – не заставило себя ждать мое признание.

Все, что он говорил, начинало неожиданно обретать смысл. В моей голове закрутились мысли-колеса, стопорив-

шиеся весь последний год. Я действительно думала, что смогу написать такую книгу, какую написал Гас, смогу сделать подражание Великому американскому роману²¹.

С любовными историями все было совсем иначе. Они слишком много значили для меня. Поэтому моим читателям приходилось слишком долго ждать, чтобы получить от меня то, во что с трудом верила моя душа.

А здесь все начинало для меня складываться. Все, кроме одной детали. Слишком уж преувеличенно и хитро прищуривался Гас.

– А что ты здесь выиграешь? – спросила я.

– Все то же самое, – сказал он. – Я хочу, чтобы кто-то помог мне. И деньги. Деньги всегда помогают.

– А-а, – вырвалось у меня. – Неужели больше нет других проблем в твоём раю для особо озабоченных?

– Мои книги пишутся слишком долго, – признался Гас. – Да, авансы бывают хорошими, но даже с моей образованностью у меня было много студенческих ссуд и осталось несколько старых долгов. А потом я хорошо вложил в этот дом. Возможность что-то быстро продать здорово поможет мне.

Я ахнула и шутливо схватила за сердце.

– И ты опустишься до такого мазохизма, чтобы торговать

²¹ «Великий американский роман» – это идеал романа, который показывает культуру США в определенный период истории. Таковыми признаны около четырех десятков классических американских произведений.

американской мечтой о вечной любви?

Гас нахмурился:

– Если тебе не нравится этот план, просто забудь о нем.

Но теперь мне уже было сложно забыть это. Теперь мне нужно было доказать Гасу, что моя литература сложнее, чем кажется, а также что я способна писать то, что пишет он. Кроме того, если Август Эверетт будет продвигать мою книгу, это будет иметь для меня такие преимущества, от которых и не стоит отказываться.

Самые простые слова уверенно выразили мое согласие.

Его глаза впились в меня, и злая улыбка подняла уголок его губ.

– Ты уверена? Это может быть по-настоящему унижительно.

У меня вырвался невольный смешок.

– О, я рассчитываю на это. Но, пожалуй, немного облегчу тебе задачу. Могу провести ускоренный курс по созданию романтических комедий.

– Отлично, – сказал Гас. – Тогда я проведу тебя через свой исследовательский процесс. Помогу тебе погрузиться в твой скрытый нигилизм, а ты научишь меня петь так, как будто никто не слушает, танцевать так, как будто никто не смотрит, и любить так, как будто мне никогда не было больно.

Его слабая улыбка была заразной, хотя и слишком самоуверенной.

– Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать? –

прозвучал мой вопрос.

Он приподнял одно плечо:

– А ты думаешь, что сможешь?

Размышление над ответом помогло мне выдержать его взгляд:

– И ты одобришь эту книгу? Если победа достанется мне, ты напишешь блестящий отзыв на мой роман, независимо от того, насколько плохим или хорошим он тебе покажется?

Его глаза согласно блеснули. Мне помнилось, что они всегда расширялись и темнели, когда он терялся в своих мыслях.

– Я помню, как ты писала, когда тебе было двадцать два, – осторожно сказал Гас. – Это было неплохо.

На щеках у меня выступил румянец. Я не понимала, как он мог одновременно быть таким почти снисходительно грубым и делать обезоруживающий комплимент.

– Но да, – добавил он, наклоняясь вперед. – Даже если ты выдашь мне сиквел «Джилы»²² на бумаге и сможешь продать его, я его одобряю.

Я откинулась на спинку кресла, чтобы между нами оставалось хоть какое-то расстояние.

– Окей. Ну так что? – сказал он. – В будние дни мы пишем, а конец недели оставим для просвещения?

²² «Джилы» – американская кинокомедия. Фильм получил шесть антипремий «Золотая малина», в том числе в таких номинациях, как «худший фильм», «худший режиссёр», «худший актёр» и «худшая актриса». В 2010 году номинировался на «Золотую малину» как «Худший фильм десятилетия».

– Просвещение, – повторил он. – Без него никуда.

– По пятницам я буду ходить с тобой на все исследования, которые ты обычно проводишь. В том числе и это... – моя рука жестом показала процесс заполнения бланка.

Он криво усмехнулся и показался мне особенно злым.

– О, это так захватывает, – заверил он. – А потом, по субботам, мы будем делать все, что ты обычно делаешь для своих исследований. Полеты на воздушном шаре, уроки парусного спорта, поездки на мотоцикле на двоих, ужины при свечах в ресторанах с патио и плохими кавер-группами и все такое.

Жар распространился по моей шее. Он только что снова прибил меня к стенке. Я, конечно, не ездила на мотоцикле вдвоем (у меня нет никакого желания умереть), но действительно заказывала полет на воздушном шаре, чтобы подготовиться к своему третьему роману «Северное сияние».

Уголок его рта дернулся, явно обрадованный моему выражению лица.

– Так мы договорились? – Он протянул мне руку.

Мой разум активно двигался в головокружительном вальсе. У меня не было никаких других идей. Наверное, депрессивный писатель может написать только депрессивную книгу, но это вовсе не догма.

– Окей.

Я скользнула рукой в его ладонь, притворяясь, что не чувствую, как искры отскакивают от его кожи прямо в мои вены.

– И еще кое-что, – сказал он серьезно.

– Что?

– Обещай, что не влюбишься в меня.

– О боже мой!

Я толкнула его плечом и плюхнулась обратно на свое место, смеясь:

– Ты что, только что процитировал «Спеши любить»?

Гас улыбнулся:

– Отличное кино, – сказал он. – Извини, *фильм*.

Я закатила глаза, все еще дрожа от смеха. У него тоже вырвался смешок:

– Я серьезно. По-моему мне как-то удалось поцеловаться с девчонкой в кинотеатре прямо во время него.

– Я отказываюсь верить, что кто-то может удешевить величайшую любовную историю с участием Мэнди Мур, позволив подростку Эверетту себя поцеловать или облапать.

– Верь во что хочешь, Январия Эндрюс, – сказал он. – Джек Ричер²³ рискует своей жизнью каждый день, чтобы гарантировать тебе эту свободу.

²³ «Джек Ричер» – американский детективный триллер, экранизация романа «Один выстрел».

Глава 9

Рукопись

Когда я проснулась, похмелья у меня не было, но зато уже значилось одно сообщение, от Шади: «Оказалось, что у Зачарованной Шляпы целая полка старинных шляп!!!»

«И откуда ты это узнала?» – спросила я Шади в ответ, затем встала с дивана и пошла на кухню. Пока у меня все еще так и не хватило смелости, чтобы подняться наверх в спальню отца или даже просто обустроиться в гостевой спальне на первом этаже, но получилось начать неторопливое изучение шкафов в доме. Дальнейшие исследования показали, что на плите стоит чайник с розовыми крапинками, что на кухне нет кофемашины, а на маленьком раскладном столике стоят френч-пресс и кофемолка. Вероятно, это была одна из вещей Сони, потому что я никогда не видела, чтобы папа пил что-нибудь, кроме капсульного кофе из «Старбакса» кружками. Эти капсулы мама покупала оптом, а также покупала зеленый чай. Его она умоляла пить вместо кофе.

Я сама не была снобом. И вполне могла бы пить с утра ароматизированные сиропы и взбитые напитки, но чаще всего начинала утро с чего-то крепкого и черного. И теперь по привычке сразу наполнила чайник и зажгла конфорку. Пламя, тепло от него и землистый запах газа оживили помеще-

ние. Я включила кофемолку и стала смотреть в окно, слушая ее мерное жужжание. Вчерашний туман все держался, окутав полосу леса между домом и пляжем глубокими серыми и синими тонами. В доме тоже похолодало. Пришлось даже вздрогнуть и поплотнее затянуть халат.

Пока я ждала, когда кофе закипит, мой телефон снова завибрировал на стойке.

«В общем, – писала Шади. – Ты же помнишь, я рассказывала тебе, как после работы мы все вместе выходили на улицу, и, как обычно, он полностью игнорировал меня, за исключением тех случаев, когда я не смотрела на него. В такие минуты я чувствовала, что он смотрит на меня. Когда он пошел в туалет, я пошла тоже. Потом вернулась в коридор и ждала. Он вышел и сказал: «Эй, Шад», а я выдала: «Вау, я и вправду думала до этого момента, что ты не можешь говорить», на что он просто пожал плечами. Тогда я сказала, что планирую уходить, а он выглядел таким разочарованным, что я добавила: «Вообще-то я планировала уйти вместе с тобой...» А остальное, как видишь, уже известная тебе история».

«Ух ты, – напечатала я в ответ. – Эта история стара как мир».

«Правда, – ответила Шади. – Девочка встречает мальчика. Мальчик игнорирует девочку, за исключением тех случаев, когда она не смотрит на него. Девочка идет домой с мальчиком и видит, как он вешает свою зачарованную шляпу на

переполненную такими же шляпами стойку».

Включенный таймер плиты звякнул, и я, взяв кофеварку, налила немного кофе в кружку в форме мультяшного кита-косатки, затем взяла кофе и свой ноутбук на веранду. Там приятно охладила мои обнаженные руки и ноги. Мое тело свернулось калачиком в одном из кресел, а мозг начал составлять список дел на сегодняшний день и на оставшуюся часть лета.

Прежде всего мне нужно было выяснить, куда именно движется эта книга, если не в направлении приятного летнего романа с отцом-одиночкой. Затем мне нужно было спланировать сценарий романтической комедии для Гаса на ближайшую субботу.

Мой желудок в очередной раз перевернулся от этой мысли. Я едва ли могла ожидать, что проснусь в панике из-за нашего соглашения. Вообще-то мое состояние сложно было назвать паникой в прямом смысле слова, но я была очень взволнована. Впервые за много лет я собиралась написать книгу, которую абсолютно никто не ждал. И также я буду смотреть, как Гас Эверетт пытается написать любовную историю.

Тут я или выставлю себя полной идиоткой, или, что еще хуже, разочарую Аню. Но сейчас я не могла об этом думать. Надо было еще поработать.

Помимо работы над книгой и размышления о том (фактически только размышления), как найти водителя такси, что-

бы съездить к Пит забрать свою машину, я запланировала на сегодня захватить вторую спальню наверху и разобрать там все, что есть. Что-то можно выбросить, что-то отдать, а что-то и продать.

Я также поклялась все-таки перенести уже свои вещи в спальню на первом этаже. Первые несколько ночей я нормально спала на диване, но сегодня утром проснулась с от боли в спине и шее.

Мой взгляд блуждал по рядам окон, расположенных вдоль задней стены дома Гаса. Именно в этот момент Гас вошел в кухню и стащил помятую темную футболку через голову. Я откинулась на спинку шезлонга.

Он не мог видеть, что я наблюдаю за ним. Но меня очень беспокоило, что, возможно, он это подозревает. Ведь он смотрел пару секунд в мою сторону, прежде чем отвернуться. Мне живо представились изгибы рук Гаса, когда он стягивал футболку через голову, его плоский живот, обрамленный острыми углами тазовых костей. Сейчас он выглядел немного мягче, чем в колледже, небольшой животик ему шел. Или, может быть, это ближе соответствовало моим представлениям о мужской красоте.

Что ж, я сидела и недвусмысленно пялилась на него.

В какой-то момент я быстро оглянулась и вздрогнула. Теперь Гас стоял перед стеклянными дверями. Он поднял свою кружку, как будто хотел произнести за меня тост. Увидев поднятую в ответ мою кружку, он зашаркал прочь.

Если Гас Эверетт уже приступил к работе, мне тоже нужно было поторапливаться. Я открыла ноутбук и уставилась на прежний документ, который тщетно просматривала последние дни. Любовь с первого взгляда. В романах Августа Эверетта не было романтических встреч, это уж точно.

Что же там было? Я не читала ни одного из них, ни «Рошамбо»²⁴, ни «Откровений», но прочла достаточно рецензий, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Люди принимают неправильные решения по вполне понятным и даже правильным причинам. Но часто люди принимают правильные решения по совершенно неправильным причинам. И при этом получают то, что хотели, даже если это в конечном счете и уничтожает их.

Какие-то замкнутые семьи, в которых царят извращения. Ну, у меня-то в этой сфере никакого опыта не было вообще! Боль пронзила меня насквозь. Это было похоже на первые несколько секунд ожога, когда вы не можете сказать, жар это или холод, но знаете, что в любом случае без повреждений не обойдется.

Воспоминание о моей ссоре с мамой после похорон отца поднялось, как приливная волна.

Жак уехал в аэропорт в ту же секунду, как закончилась траурная служба, чтобы поскорее вернуться на работу, и поэтому полностью пропустил разборки с Соней. А как только Соня сбежала, мы с мамой тоже не задержались там долго.

²⁴ *Rochambeau* – одно из названий игры «Камень, ножницы, бумага» в США.

Мы ругались всю дорогу до дома. Нет, вернее, я ругалась. Многие годы я испытывала чувства, которые сейчас предпочла бы не испытывать. Годы предательства вынудили уйти эти чувства.

— Как ты могла скрыть это от меня? — кричала я, сидя за рулем машины.

— Она не должна была приходить сюда! — говорила мама, закрыв лицо руками. — Я не могу говорить об этом, — всхлипывала она, качая головой. — Я не могу!

С тех пор на все мои слова она мне так и отвечала. «Я не могу говорить об этом. Я не могу говорить о нем в таком тоне. Я не собираюсь говорить об этом. Я не могу».

Я должна была понять. Мне следовало бы больше заботиться о том, что чувствует мама.

Это должно было стать тем моментом, когда я повзрослела. Я крепко обнимала ее, обещая, что все будет хорошо, и принимая ее боль. Вот что взрослые дочери делают для своих матерей. Но там, в церкви, я разорвалась пополам, и все выплеснулось из меня на всеобщее обозрение.

Сотни ночей я предпочитала не плакать. Тысячи мгновений я волновалась из-за внутреннего беспокойства. А вдруг я сделаю только хуже для своих родителей? Я понимала, что мне нужно быть сильной и нужно быть счастливой, чтобы не огорчать их.

Все эти годы, когда я боялась, что моя мать умрет, я прятала с глаз долой каждую уродливую вещь в доме, чтобы пре-

вернуть свою жизнь в блестящую витрину для нее.

Я заставляла своих родителей смеяться. Заставляла их гордиться мной. Приносила домой хорошие оценки, боролась изо всех сил, чтобы не отстать от Гаса Эверетта. Мы допоздна читали с папой, а затем мне предстоял ранний подъем, чтобы притвориться, что мне нравится йога с мамой. Я рассказывала им о своей жизни, бесконечно расспрашивала об их жизни, чтобы никогда не жалеть о том, что зря тратила время. И еще скрывала сложные чувства, которые приходили ко мне с попытками запомнить и «отложить на потом» кого-то, кого ты любил, но не мог сейчас ответить взаимностью.

Первая любовь пришла ко мне в двадцать два года в образе мальчика по имени Жак, который был самым любимым во дворе и самым интересным человеком из всех моих прежних знакомых. Я старалась как можно чаще демонстрировать родителям наше счастье. Даже отказалась от аспирантуры, чтобы быть ближе к родителям, но доказала, что на самом деле ничего не упустила, опубликовав первую книгу в двадцать пять лет.

«Смотрите! Все в порядке! Смотрите! У меня есть все самое лучшее, чего ты хотела бы для меня!» Я всячески старалась показать, что меня нисколько не задевает болезнь мамы. Еще одна вариация на тему «И жили они долго и счастливо».

Я делала все возможное, чтобы доказать, что со мной все в порядке, что я не волнуюсь. Делала для этой неписанной

истории своей жизни все что могла. Верила, что вдвоем мы несокрушимы.

Но по дороге домой с похорон я больше не хотела быть в таком «порядке». Мне захотелось снова быть ребенком. Мне как никогда раньше хотелось плакать, хлопать дверьми, кричать: «Я ненавижу тебя! Ты разрушил мою жизнь!»

Мне хотелось, чтобы мама прокралась в мою комнату и поцеловала меня в лоб, прошептав: «Я понимаю, как ты напугана». Но вместо этого она вытерла слезы, глубоко вздохнула и повторила:

– Я не собираюсь об этом говорить.

– Отлично, – сказала я, побежденная и сломленная. – Мы не будем об этом говорить.

После моего возвращения в Нью-Йорк все изменилось. Мамины звонки стали редкими, но когда они случались, они обрушивались на меня как торнадо. Она перебирала в своем рассказе каждую деталь своей недели, а потом спрашивала, как дела у меня. Если я колебалась слишком долго, она впадала в панику и извинялась за какие-то моменты, которые уже стерлись из моей памяти.

Она провела годы, готовясь к собственной смерти, и у нее не было времени подготовиться к другому удару. Отец ушел от нас, и на его похороны пришла страшная правда, которая разорвала пополам все наши прекрасные воспоминания. Ей было очень больно, и я знала это.

Мне тоже было больно, так больно, что на этот раз я не

могла ни смеяться, ни танцевать. И даже не могла написать счастливый конец своей собственной неизданной истории.

Сейчас у меня не было желания сидеть перед своим ноутбуком в этом доме, полном тайн, в попытках изгнать память об отце из моего сердца. Но похоже, я нашла единственную идею, которую могла осуществить. Потому что начала печатать:

Впервые она встретила любовь всей жизни своего отца на его похоронах.

* * *

Мой роман с книжками – любовными романами – начался в приемной маминой рентгенологической клиники. Маме не нравилось, что я хожу в кабинеты с ней, она настаивала, что это заставляет ее чувствовать себя дряхлой. Поэтому я сидела с потрепанной книжкой в мягкой обложке, которую брала тут же с полки, пытаясь отвлечься от зловещего тика-ня часов, висевших над окошком регистратуры.

Я думала, что буду пялиться на одну страницу в течение двадцати минут, пойманная в хомячье колесо тревоги. Но вместо этого прочитала почти сто пятьдесят страниц, а затем случайно сунула книгу в сумочку, когда пришло время идти домой.

Это была первая волна облегчения, испытанная мной в то непростое время, и с тех пор я читала все любовные романы, которые только могла достать. А потом, не имея ника-

ких планов, я начала сама писать такой роман, и это чувство влюбленности по уши в историю и ее героев, которые вышли из-под моего пера, не было похоже ни на что другое.

Мамин первый диагноз научил меня тому, что любовь – это спасательная веревка, брошенная с борта. А второй ее диагноз убедил меня в том, что любовь – это спасательный жилет, особенно когда ты тонешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.